

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Выходитъ безъ предварительной цензуры.

1899 г.

№ 1. 6.

Воскресенье 3 января.

„Право“ издается въ С.-Петербургъ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ сотрудничествѣ: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, А. А. Левенстима, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе: Я. З. Аламинъ, К. К. Арсеньевъ, А. М. Берлинъ, В. Л. Бинштокъ, А. Л. Боровиковскій, Н. К. Бросекскій, М. И. Брунъ, П. И. Бѣляевъ, Г. Л. Вербловскій, В. И. Вильсонъ, М. М. Винаверъ, проф. А. К. Вульфбертъ, Л. В. Гантоверъ, В. Н. Герардъ, М. Э. Гильчеръ, О. Б. Гольдовскій, проф. А. Х. Гольмстенъ, А. О. и В. М. Гордонъ, Я. К. Городыскій, прив.-доц. Д. Д. Гриммъ, Dr Hans Gross (Graz), М. О. Грузенбергъ, проф. В. О. Дерюжинскій, В. И. Добровольскій, А. Г. Дукмасовъ, К. К. Дыновскій, проф. Н. Л. Дювернуа, прив.-доц. А. А. Жижиленко, С. В. Завадскій, С. А. Зарудный, К. П. Змирловъ, проф. Й. А. Ивановскій, Dr Phil. Jeserich (Berlin), Г. Б. Юлосъ, проф. П. Е. Казанскій, Н. П. Карабчевскій, проф. П. И. Ковалевскій, прив.-доц. Кокушкинъ, А. О. Кони, проф. Н. М. Коркуновъ, А. А. Крыловъ, Б. П. Куликовъ, М. И. Кулишеръ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, В. И. Леонтьевъ, М. А. Лозина-Лозинскій, В. О. Люстихъ, Э. С. Маргулисъ, А. А. Миндбергъ, Р. Р. Минцловъ, П. Р. Мироновъ, М. Г. и Э. М. Моргулисъ, проф. С. А. Муромцевъ, И. В. Мъгучиновъ, В. Д. Набоковъ, проф. В. М. Нецаевъ, прив.-доц. С. П. Никоновъ, А. Я. Пассоверъ, прив.-доц. М. Я. и О. Я. Пераментъ, А. А. Пиленко, проф. А. А. Пюнтковский, В. А. Плансонъ, И. В. Платоновъ, проф. Г. А. Покровский, И. М. Рабиновичъ, А. К. фонъ-Резонъ, прив.-доц. С. Е. Сабининъ, прив.-доц. М. И. Свѣшниковъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій, В. Ю. Скалонъ, Г. Б. Слозбергъ, проф. В. К. Слущевскій, проф. В. В. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, И. М. Тютрюмовъ, В. Д. Философовъ, проф. И. Я. Фойницкій, П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цитовичъ, проф. Н. Е. Чижовъ, С. А. Чагинъ, Л. В. Шалландъ, В. П. Шенъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, М. И. Шефтель, проф. О. О. Эйхельманъ, В. Эльшевичъ, проф. В. Г. Яроцкій и др.

Программа газеты слѣдующая: 1) Новые законы и правительственныя распоряженія. Судебная и судебно-административная практика. 2) Комментарій къ новымъ законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ. Разборъ и комментарий важнѣйшихъ рѣшеній Правительствующаго Сената, а также рѣшеній и приговоровъ судовъ I и II инстанцій. Обзоръ практики установленій, состоящихъ при судѣ, поскольку эта практика съ юридической точки зрѣнія представляетъ принципиальный интересъ. Обзоръ съ той же точки зрѣнія распоряженій административныхъ властей и органовъ общественнаго управления. Въ концѣ года будетъ даваться алфавитный и поstateйный указатель вопросовъ, рассмотрѣнныхъ въ напечатанныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ. 3) Еженедельное обозрѣніе. Статьи по имѣющимъ ближайшее отношеніе къ практикѣ вопросамъ гражданскаго, уголовнаго и административнаго права; обсужденіе желательныхъ реформъ. 4) Важнѣйшіе иностранныя законы, выдающіяся судебныя дѣла и случаи въ практикѣ судебно-административныхъ учреждений. 5) Отчеты о важнѣйшихъ процессахъ. 6) Хроника и смѣсь. 7) Литературное обозрѣніе. 8) Диспуты и засѣданія юридическихъ обществъ. 9) Справочный отдѣлъ 10) Объясненія. Приложенія: оригинальныя и переводныя сочиненія по юридическимъ наукамъ.

Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общихъ собраній I-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, а также важнѣйшіе законы изъ Собранія узаконеній и распоряженій Правительства будутъ печататься отдѣльными листами и разсылаются годовымъ подписчикамъ.

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаниемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разорочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Содержаніе: 1) Ипотечный кредитъ въ Россіи. П. П. Цитовича. 2) Проектъ устава о служебн. провинностяхъ. В. Д. Набокова. 3) Условное осужденіе и народное правосознаніе. Пр.-доц. А. А. Жижиленко. 4) Принятіе въ русское подданство. М. А. Лозина-Лозинскаго. 5) Къ вопросу о сельской общинѣ. Пр.-доц. С. П. Никонова. 6) Обозрѣніе практики гражд. кассац. департамента за 1897 г. 7) Новыя данныя изъ области криминалистики. Dr Hans Gross. 8) Судебный отчетъ. 9) Докторскій диспутъ. 10) Хроника. 11) Юридическія общества. 12) Библиографія.

13) Судебная и судебно-административная практика.

14) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

Ипотечный кредитъ въ Россіи.

По поводу проектовъ вотчинной реформы.

Для пониманія устройства и нужд русскаго ипотечнаго кредита, въ его формахъ и техникахъ, безусловно необходимы и ничѣмъ незамѣнимы сборники матеріаловъ и постановленій и стенографическіе отчеты общихъ собраній съѣздовъ представителей учреждений русскаго земельного кредита. Съѣздовъ было уже десять: первый 1874, послѣдній 1897 года.— Для сличеній и сопоставленій съ ипотечнымъ кредитомъ въ Германіи не потеряли своей цѣны извѣстные стенографическіе отчеты особой комиссіи Союзнаго Совѣта 1868 г. Для современной Германіи Ed. Wegener въ *Анналахъ Гиртля*, №№ 7 и 8, за 1898 г. Въ настоящую минуту интересъ вопроса сосредоточенъ на проектѣ имперскаго закона о ипотечныхъ банкахъ, 1898 г., вызвавшемъ оживленные споры и всестороннюю критику.—См. также въ изданіяхъ Комитета Представителей учреждений русскаго земельного кредита: уставъ общества французскаго поземельнаго кредита (*Credit Foncier de France*), переводъ съ приложеніемъ очерка о поземельномъ кредитѣ во Франціи, 1894 г.; уставъ прусскаго ипотечнаго акціонернаго банка, переводъ съ приложеніемъ краткихъ свѣдѣній объ акціонерныхъ банкахъ въ Германіи, 1894 г.; ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи, 1896 г. Для научной стороны вопроса A. Buchenberger, *Agrarwesen und Agrarpolitik*, т. I—II, 1892—93 г., т. II, стр. 1—291, и въ популярной передѣлкѣ, *Grundzüge der Agrarpolitik*, 1898 г., стр. 97—143. Для новаго германскаго законодательства (гражданское уложеніе 1896 г. и законы 24 марта 1897 г.) Dernburg, *Das bürgerliche Recht*, III Bd., 1898; Biermann, *d. Sachenrecht* въ *Kommentar zum deutschen Bürgerlichen Gesetzbuche*, 1898; Voem, *Das materielle und formelle Reichsgrundbuchrecht*, 1898; для Австріи—Fr. Offenhuber, *Handbuch über das Grundbuchwesen*, 1898 г.).

I.

Своеобразное развитіе и необычайно быстрый ростъ составляютъ одну изъ основныхъ особенностей ипотечнаго кредита, какъ онъ сложился въ Россіи въ послѣднія 25 лѣтъ.

Большіе и полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ, въ современной Россіи преобладаетъ и господствуетъ ипотечный *публичный* кредитъ. Его органы—спеціальныя кредитныя установленія—для краткости обозначенія назовемъ ихъ банками. Дворянскій и крестьянскій банкъ—установленія государственныя; одинъ и другой преслѣдуютъ еще и спеціальныя цѣли¹⁾. Другую группу составляютъ установленія общественныя; третья группа—банки частныя, но съ присвоеннымъ имъ значеніемъ установленій публичнаго интереса²⁾.

Основаніе этого кредита—не индивидуальная ипотека, а *весь*,—ипотечный и другой,—активъ банковъ; его орудіе и форма—не част-

ная закладная, а особая ипотечная бумага (закладная листъ, облигація). Бумага эта—на предъявителя; въ группѣ другихъ фондовыхъ бумагъ она обращается на биржѣ въ Россіи и за границей, и потому всегда, при первой же надобности, можетъ быть куплена, продана или заложена по цѣнѣ бумагъ публичнаго кредита, основанной на отмѣткахъ биржеваго бюллетеня, а не на личныхъ обстоятельствахъ участникомъ отдѣльной сдѣлки.

Въ такомъ его видѣ, поставленный при томъ подъ наблюденіе и даже руководство правительства, ипотечный кредитъ обнялъ доступныя залогомъ сельскія и городскія недвижимости Европейской Россіи, изъ тѣхъ и другихъ извлекъ приблизительно на два миллиарда рублей ихъ денежной стоимости, требуетъ съ нихъ болѣе чѣмъ на сто милліоновъ ежегодныхъ платежей¹⁾.

При этомъ:

а) сравнительно съ общимъ количествомъ заложенныхъ недвижимостей число ежегодныхъ продажъ, производимыхъ банками, незначительно, около 1⁰/₀;

б) биржевой курсъ ипотечныхъ бумагъ идетъ почти *pari passu* съ биржевымъ курсомъ государственныхъ бумагъ,—знакъ, что платежи по купонамъ и по вышедшимъ въ тиражъ ипотечнымъ бумагамъ производятся исправно и своевременно;—по тѣмъ и другимъ никто не ищетъ и не отвѣчаетъ на судѣ;

в) биржевой курсъ акцій земельныхъ банковъ далеко выше ихъ нарицательной цѣны, основной и запасный капиталы тоже растутъ,—знакъ, что и съ этой стороны все обстоитъ болѣе чѣмъ благополучно.

Очевидно, ипотечный кредитъ уже устроенъ въ Россіи, устроенъ достаточно удовлетворительно, болѣе удовлетворительно, чѣмъ въ другихъ странахъ, между прочимъ, и въ тѣхъ, гдѣ дѣйствуетъ ипотечная система²⁾. Причемъ: а) все это устройство получилось до и безъ вотчинной системы; б) оно не стоило ни копѣйки правительству въ смыслѣ расходовъ на заведеніе, оборудованіе и содержаніе вотчинныхъ

¹⁾ См. Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. Выпускъ III, 1897 г. Къ выпуску приложена карта задолженности по отдѣльнымъ губерніямъ. Къ цифрамъ этого выпуска нужно прибавить количество закладныхъ листовъ и облигацій, вышедшихъ въ 1897—98 гг. Ср. Выпускъ I, 1898 г.

²⁾ Ср., напр., не вполне удачную ссылку на „опытъ тѣхъ странъ, въ которыхъ поземельный кредитъ получилъ особое развитіе“,—въ какомъ видѣ? „Частныя лица отдають свои капиталы подъ залогъ недвижимости большей частью не на точно опредѣленный срокъ, а на условіи возвращенія капитала чрезъ столько-то времени по востребованію“. Проектъ вотчиннаго устава, т. II, стр. 316. Но въ „тѣхъ странахъ“ условіе по востребованію своего рода конверсія; у насъ же это условіе—характерная черта закладныхъ ростовщическихъ или закладныхъ—аркановъ, подготовляющихъ покупку съ публичныхъ торговъ такого имѣнія, которое заранѣе намѣчено „вотчиннымъ кредиторомъ“.

¹⁾ *Землеводія* потомственныхъ дворянъ (уст. ст. 1); крестьянскій банкъ—для содѣйствія крестьянамъ къ *приобрѣтенію* земель (уст. ст. 1). Оба учрежденія преслѣдуютъ цѣли какъ разъ противоположныя тѣмъ результатамъ, къ какимъ приводитъ проектъ—облегчить и ускорить задолженность и распродажу земель.

²⁾ Ср., напр., § 30 устава акціонерныхъ земельныхъ банковъ.

установленій съ ихъ спеціальнымъ личнымъ составомъ.

Понятно, законченность, совершенство еще не достигнуты, да и никогда не будутъ достигнуты. Но важно не это, а нѣчто другое: та дѣтская куртка индивидуальной ипотеки, каковую, въ теченіе 30 лѣтъ, по различнымъ фасонамъ шили, пороли и наконецъ сшили къ 1896 г., совсѣмъ не подходитъ ни къ росту, ни къ формамъ ипотечнаго кредита современной Россіи.

Спрашивается, почему же русскій ипотечный кредитъ сразу принялъ высшую, организованную форму,—форму публичнаго кредита, перескочивши чрезъ низшую форму индивидуальной ипотеки, форму частнаго кредита, не потерявшюю своего значенія, между прочимъ, и въ Германіи? Здѣсь не было ни случайности, ни чьего-либо замысла, дѣйствовала сила обстоятельство.

Въ 60 годахъ, особенно послѣ образованія Сѣверо-Германскаго Союза, происходитъ острый кризисъ въ ипотечномъ кредитѣ въ Германіи ¹⁾ Индивидуальная ипотека оказалась недостаточною, потребовалось восполненіе,—устройство новыхъ кредитныхъ установленій, акціонерныхъ банковъ ²⁾. Къ этому же времени относится устройство ипотечнаго кредита въ Россіи. Но при всей практикѣ и распространенности частныхъ закладныхъ,—только первыхъ, вторыхъ тогда не было,—устроиться на индивидуальной ипотецѣ ипотечный кредитъ въ Россіи безусловно не могъ.

Причины, по которымъ въ 60 г.г. индивидуальная ипотека оказалась въ Германіи недостаточною ³⁾, а въ Россіи изначала непригодною, были однѣ и тѣ же. Первая причина—быстрое, усиленное появленіе разнообразныхъ биржевыхъ бумагъ, прежде всего бумагъ государственныхъ и желѣзнодорожныхъ займовъ. Въ связи съ этой причиной, какъ ея послѣдствіе, дѣйствовала другая: быстро возрастающая масса биржеваго матеріала вызвала соотвѣтственное развитіе фондовой дѣятельности центральныхъ биржъ—въ Германіи берлинской, у насъ—петербургской. Эта дѣятельность во-

влекла въ свою сферу всѣ классы населенія; для помѣщенія сбереженій и свободныхъ капиталовъ биржи предложили такіе способы и формы, соперничать съ которыми индивидуальная ипотека, понятно, не могла ⁴⁾.

Невозможность устроить ипотечный кредитъ на индивидуальной ипотецѣ имѣла въ Россіи еще одну, уже домашнюю, причину. Индивидуальная ипотека была лишена у насъ нужной для нея основы: ипотечной системы, *къ счастью*, не было ⁵⁾.

Таковы были условія, при которыхъ въ 60—70 годахъ предстояло и въ Россіи разрѣшить задачу устройства ипотечнаго кредита.

Задачу разрѣшили банки, т. е. кредитныя установленія вообще, и разрѣшили ее съ двухъ сторонъ:

а) Залоговой рискъ, связанный съ отсутствіемъ ипотечной системы, банки взяли на себя,—на круговую отвѣтственность своихъ членовъ-заемщиковъ, на счетъ своихъ основныхъ и запасныхъ капиталовъ. Оказалось, что рискъ былъ сильно преувеличенъ; въ дѣйствительности онъ составляетъ для банковъ *quantité négligeable*, величину микроскопически ничтожную. Такъ, напр., въ сводномъ балансѣ всѣхъ акціонерныхъ банковъ за 1897 годъ, при валовой прибыли въ 12.808,996 руб., при чистой прибыли въ 9.595,122 руб., при расходахъ на управленіе и проч. въ 2.928,438 руб. и при общей суммѣ обязательствъ банковъ по закладнымъ листамъ на 676.522,900 руб. на покрытіе убытковъ по всѣмъ банкамъ отчислено всего 264,496 руб. Причемъ нужно имѣть въ виду, что главная причина убытковъ—не залоговой рискъ, а ошибки или неправильности залоговыхъ оцѣнокъ, влекущая за собою оставленіе за банками недвижимостей, не проданныхъ съ публичныхъ торговъ. ³⁾

¹⁾ Ср., напр., нынѣшнюю редакцію ст. 268 I ч. X т. съ редакціей прежнихъ изданій.

²⁾ Именно къ счастью. Къ чему можетъ привести ипотечная система, показываетъ примѣръ нашихъ остзейскихъ губерній, гдѣ недвижимость, оцѣненная напр. въ 4,875 руб., задолжена въ сумму 14,300 руб., даже больше, чѣмъ то примѣрное имѣніе Анненское, для котораго составленъ образецъ будущей вотчинной книги, въ приложеніи къ ст. 115 въ т. II проекта вотчиннаго устава.—Другое сопоставленіе. Землевладельцы въ Западномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ипотечной системы, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ землевладельцы привілианскихъ губерній, гдѣ система дѣйствуетъ.—Наиболѣе запальчивые изъ боевыхъ аграріевъ Пруссіи даже требуютъ закрытія ипотечныхъ книгъ, т. е. отмены самой системы.

³⁾ Ср. Статистика 1898 г., выпускъ I. Отсутствіе ипотечной системы беспокоитъ акціонерные банки въ первое время ихъ дѣятельности. На первомъ же сѣздѣ 1874 г. (стенографическій отчетъ, стр. 148—149) происходитъ слѣдующее: *Н. Э. Герстфельдъ*. Въ заключеніе занятій III отд. было указано, какъ желательно введеніе у насъ ипотечной системы; дѣлесообразно было бы прибавить и это заявленіе къ заключенію III отдѣленія сѣзда.

Предсѣдатель. Это отчасти совпадаетъ съ предложеніемъ министра юстиціи, который прислалъ намъ самый уставъ ипотечной системы. Такимъ

¹⁾ Этотъ кризисъ (*die Creditnoth des Grundbesitzes*) вызвалъ изслѣдованіе Родбертуса, *Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes*, 1869 г. Собственно съ этой гениальной монографіи начинается научная теорія ипотечнаго кредита. Кризисъ вызвалъ вмѣшательство союзнаго правительства, наряжено было изслѣдованіе (*enquôte*) чрезъ особую комиссію, стенографическіе отчеты которой названы выше.

²⁾ *Landschaften*—учрежденія тѣсно-мѣстныя и провинціально-сословныя.

³⁾ См. стенографическіе отчеты упомянутой выше комиссіи, особенно экспертизы: ф. Рабе, стр. 43—58, ф. Гейдена, стр. 71—85, профессора Беккера, стр. 85—107. Тамъ же можно видѣть, на какихъ, исключительно благопріятныхъ, мѣстныхъ условіяхъ была основана слава «мекленбургскихъ ипотечныхъ законовъ». Ср. Труды ипотечной комиссіи 1867 г.

б) Подъ гарантией той же круговой ответственности и тѣхъ же миллионовъ своихъ основныхъ и запасныхъ капиталовъ ¹⁾ банки привели ипотечный кредитъ въ публичную форму, а средство, орудіе этой формы, ипотечную бумагу, ввели на биржу, гдѣ, — не сразу, правда, и не безъ усилий, — ей отведено почетное мѣсто, рядомъ съ государственными бумагами.

Уже при публичномъ кредитѣ устроился, вѣрнѣе, *пристроился* и частный ипотечный кредитъ. Въ опредѣленіи залоговаго риска и залоговой оцѣнки частный кредитъ собственнаго сужденія не имѣетъ: онъ слѣдуетъ показаніямъ публичнаго кредита и его установленій. Въ качествѣ *дополнительной закладной*, второй, третьей, частный кредитъ подбирается остатками, отбросами и бракомъ публичнаго кредита, съ вѣдома его установленій.

Для банковъ дополнительная закладная — не прирожденный врагъ, а естественный союзникъ. При неудачѣ публичныхъ торговъ, вторая закладная уноситъ трупы, избавляя банкъ отъ хлопотъ и расходовъ по вознѣ съ непроданной недвижимостью, а его балансы отъ нежелательныхъ слѣдствъ случившейся неудачи ²⁾.

Измѣнить то взаимное отношеніе, въ какомъ у насъ развились и дѣйствуютъ оба вида ипо-

образомъ, замѣчаніе заключается въ томъ, чтобы банкамъ *предоставлено* было право требовать введенія ипотечной системы и для имуществъ, уже заложенныхъ въ нихъ?

П. А. Марковъ. Столь же важно было бы и *заявленіе* о томъ, что кредитныя установленія взяли бы на себя часть нужныхъ для этого расходовъ.

Предсѣдатель. Это будетъ обсуждено.

П. А. Марковъ. Это представитъ *желаніе ипотеки болѣе осязательнымъ.*

Князь Черкасскій. Нельзя ли даже сдѣлать соображенія на счетъ степени этихъ расходовъ?

П. А. Марковъ. Я думаю, что нѣтъ необходимости останавливаться на всѣхъ деталяхъ вопроса; *важно только заявленіе*, а затѣмъ, если бы оно было признано, то оно безъ сомнѣнія не было бы разрѣшено въ смыслѣ отяготительномъ для банковъ. Я думаю, что было бы достаточно, если бы было выражено, въ видѣ *указанія*, что, *сочувствуя введенію ипотечной системы и признавая ея существенную необходимость*, представители банковъ *ходатайствуютъ о скорѣйшемъ введеніи ея и принимаютъ часть расходовъ* по этому дѣлу на себя, — но выражено будетъ это въ *однихъ общихъ выраженіяхъ, которыя ни къ чему не обязываютъ.* —

Безпокойство изъ-за вотчинной системы не оставляетъ нѣкоторыхъ ораторовъ и на слѣдующихъ сѣздахъ, а затѣмъ прекращается: съ V сѣзда, т. е. съ 1884, о немъ больше и не вспоминаютъ. Вопросъ появился, присланъ, уже на X сѣздѣ, осенью 1897 г.; но на этотъ разъ показался не въ видѣ только желанія, хотя бы и обязательнаго. Теперь банкамъ пришлось уже не сочувствовать и ходатайствовать, ни къ чему не обязываясь, а дружно защищаться и звать о помощи сверху.

¹⁾ Дворянскій и крестьянскій банки представляютъ другую гарантию — ответственность государства всѣмъ его достояніемъ.

²⁾ До организаціи банками сидячей и летучей агентуры на мѣстахъ, вторая закладная наблюдала за заемщикомъ и немедленно давала знать банку объ обездѣвленіи имѣнія.

течнаго кредита, разставить ихъ на мѣста въ обратномъ порядкѣ — задача мало благодарная для законодателя, да едва-ли и по силамъ для вотчинной, помѣстной или иной системы.

Но именно такую задачу пытаются разрѣшить въ проектахъ вотчинной системы. —

II.

Нужда въ устройствѣ ипотечнаго кредита наступила въ Россіи одновременно съ упраздненіемъ крѣпостнаго права. Устройство послужило темой для различныхъ проектовъ, надъ которыми трудились въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ ¹⁾. Названія проектовъ измѣнялись, но цѣль ихъ оставалась одна и та же: учредить регистрацію правъ на недвижимости для устройства ипотечнаго кредита посредствомъ индивидуальной ипотеки, т. е. посредствомъ той же частной закладной, развязанной отъ ея неподвижности и потому способной къ передачѣ и даже къ обращенію на подобіе векселя.

Та же цѣль ²⁾ и тѣмъ же средствомъ ³⁾ преслѣдуется и въ проектахъ вотчинной реформы: всякое на этотъ счетъ сомнѣніе устраняютъ содержаніе проектовъ, объясненія къ нимъ и, въ частности, распространеніе „единства и цѣльности системы“ ⁴⁾ на кредитныя установленія, даже на банки дворянскій и крестьянскій ⁵⁾. Такова цѣль и средство тѣхъ „весьма важныхъ усовершенствованій кредита“ ⁶⁾, какія предлагаются вотчинной системой проектовъ. „Система является у насъ совершенною новостью“ ⁷⁾.

Между прочимъ, вводимое въ проектахъ *начало безповоротности*, — „орудіе обоюдострое, должно произвести въ юридическихъ понятіяхъ общества крупный переворотъ“ ⁸⁾, — оправдано такими соображеніями:

„Законъ вотчинный, какъ законъ особенный, составляющій *отступленіе отъ общихъ*

¹⁾ Труды комиссіи, Высочайше учрежденной 10 июля 1859 г. для устройства земскихъ банковъ, т. III, матеріалы для ипотечнаго вопроса; Труды Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи ипотечной комиссіи, т. I—III, 1867 г. Ср. проектъ вотчиннаго устава съ объясненіями (изд. 1896 г.), т. I, стр. 3—18.

²⁾ См., напр., проектъ вотчиннаго устава съ объясненіями (редакція 1896 г.), т. I, стр. 81, 86, 190, 290, 304, 354, 376, 467, 471; т. II, стр. 372 и друг.

³⁾ Въ частности см. проектъ вотчиннаго устава, ст. 56—58, 297—323 и объясненія: т. I, стр. 358—369, т. II, стр. 279, 285, 301—331.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 328, 353.

⁵⁾ Проектъ вотчиннаго устава, т. I, стр. 376.

⁶⁾ Проектъ правилъ объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казною и съ кредитными установленіями, ст. 25—44, стр. 50—84; проектъ положенія о порядкѣ взыскація съ недвижимыхъ имѣній, ст. 255—275, стр. 346—392.

⁷⁾ Тамъ же, т. I, стр. 360.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 155. Смысль, значеніе и вліяніе переворота объяснены т. II, стр. 191—192 и еще отчетливѣе, т. I, стр. 29, 155—156.

гражданскихъ нормъ, можетъ имѣть *примѣненіе только въ такихъ предѣлахъ*, въ какихъ это необходимо для осуществленія его особенной цѣли, состоящей въ устройствѣ *поземельнаго кредита*, немыслимаго внѣ упроченія права собственности на недвижимыя имѣнія и приведенія въ извѣстность обременяющихъ оныя правъ.

Понятно, что для привлеченія капитала подѣ обеспечение залогомъ недвижимаго имѣнія необходимо облегчить заимодавцу провѣрку заявленія залогодателя, что онъ есть собственникъ закладываемаго имѣнія и что нѣтъ другихъ, кромѣ заявленныхъ имъ, ограниченій и обремененій онаго, каковою *необходимостью оправдывается* въ отношеніи къ заимодавцу достовѣрность внесеній, значащихся въ вотчинной книгѣ, и ничтожность правъ, не внесенныхъ въ оную, хотя бы первыя относились къ правамъ, на дѣлѣ не существующимъ, а послѣднія несомнѣнно существовали. Точно также, для *увеличенія кредитной силы имѣнія необходима* прочность и легкость перехода права собственности на имѣніе по договорамъ, обуславливаемая, въ свою очередь, такою же достовѣрностью того, что внесено, и ничтожностью невнесеннаго въ вотчинную книгу, по отношенію къ пріобрѣтателю имѣнія. Въ *этихъ размѣрахъ* допускаемая *безповоротность правъ*, пріобрѣтаемыхъ по вотчинной книгѣ, не только *необходима*, но вмѣстѣ съ тѣмъ относительно справедлива¹⁾.

Въ этой выдержкѣ вполне выражено все значеніе вотчинной системы и вся цѣль записей въ ея книгахъ.

Смыслъ, весь *raison d'être* ипотечной системы сосредоточены въ гарантіи противъ того риска, какому, безъ этой системы, подвергается индивидуальная ипотека, т. е. владѣлецъ частной закладной. Гарантія противъ этого *залоговаго риска* заключается въ томъ, что держателю закладной, — первоначальному, а еще больше послѣдующему, — ипотечная книга обезпечиваетъ наличность всѣхъ тѣхъ законныхъ условий, отъ исполненія которыхъ зависитъ сила и качество²⁾ закладной.

Потому совершенно вѣрно, что при отсутствіи ипотечной системы не можетъ быть достигнуто развитіе ипотечнаго кредита въ формѣ индивидуальной ипотеки, посредствомъ частной закладной. Но на этомъ и оканчивается дѣйствительное значеніе, вся служба ипотечной системы; далѣе этого пункта уже начинается словесность на тему о прочности, опредѣленности, неопровержимости правъ и т. д. Покупать или вообще возмездно пріобрѣтать имѣніе, полагаясь единственно на показанія вотчинной книги, на тѣ „гарантіи, которыя представляетъ собою вотчинная книга, какъ основа вотчинна-

го оборота“¹⁾, т. е. покупать за глаза, на счастье, на-авось, — на такую аферу рискнетъ развѣ одинъ изъ тѣхъ малоопытныхъ, запальчивыхъ или азартныхъ маклаковъ, которые иногда оживляютъ соревнованіе на публичныхъ торгахъ въ банкахъ. Но подобные вотчинники — не особенно продолжительные представители „безпрепятственнаго теченія вотчиннаго оборота“²⁾.

Настолько здѣсь о проектахъ и о значеніи этой „реформы, предпринимаемой въ интересѣ всего землевладѣнія“³⁾.

Надежды на устройство ипотечнаго кредита посредствомъ индивидуальной ипотеки были умѣстны для комиссій 1859 и 1867 г. Онѣ были понятны даже въ 1877—1881 г.г., когда обсуждался проектъ министра юстиціи и составлялись *главныя основанія предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество*, — кстати, тогда не было еще ни Дворянскаго, ни Крестьянскаго банковъ. Но какъ возможно продолжать тѣ же надежды и теперь, для сбытія этихъ (несбыточныхъ) надеждъ произвести смуту и замѣшательство въ функціяхъ установленной публичнаго кредита?

Какъ напр., объяснить фантастическую „вотчинную единицу“ (имѣніе) проектовъ, или созданныя и затѣмъ разрѣшенныя (ст. 355 вотчиннаго уст.) пререканія вотчинныхъ установленій?

П. Цитовичъ.

Проектъ устава о служебныхъ провинностяхъ.

П⁴⁾.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію проекта, укажемъ въ краткихъ словахъ на главнѣйшія черты, характеризующія по дѣйствующему праву несудебную отвѣтственность служащихъ.

Отвѣтственность эта можетъ, во-первыхъ, обуславливаться такимъ нарушеніемъ обязанностей службы, которое предусмѣрено закономъ и обложено извѣстнымъ наказаніемъ. Уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовнаго судопроизводства прямо опредѣляютъ наказанія, могущія быть наложенными властью начальства, безъ суда. Сюда относятся: замѣчанія и выговоры безъ внесенія въ послужной списокъ, вычеты изъ жалованья, перемѣщеніе съ высшей должности на низшую, удаленіе отъ должности и арестъ до семи дней (улож. о нак. ст. 69, прим.; уст. гр. суд. ст. 1066, пунктъ 1 и 2). Прочія наказанія по службѣ налагаются не иначе, какъ по суду; къ нимъ принадлежатъ: выговоръ съ внесеніемъ въ послужной списокъ, вычетъ изъ времени службы, отрѣшеніе

¹⁾ Проектъ вотчиннаго устава, т. I, стр. 462.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 448.

³⁾ Проектъ правилъ о порядкѣ взысканія, стр. 385.

⁴⁾ См. № 3—1898 г.

¹⁾ Проектъ вотчиннаго устава, т. I, стр. 353—354.

²⁾ Мѣсто, locus, первая, вторая и т. д.

отъ должности и исключеніе изъ службы. Первая категорія, въ свою очередь, распадается на группы: на наказанія, опредѣляемыя по распоряженію непосредственнаго начальства—замѣчанія и выговоры, и на опредѣляемыя по распоряженію того начальства, отъ котораго зависить назначеніе къ должности, занимаемой виновнымъ. Распоряженія, коими налагаются на виновныхъ дисциплинарныя кары, подлежатъ обжалованію въ общемъ порядкѣ, по начальству. При этомъ ст. 789 уст. о сл. изд. 1896 г. прямо указываетъ, что тѣмъ чиновникамъ, которые будутъ удалены отъ службы съ указаніемъ причинъ, предоставляется право, если они считаютъ себя невинными, жаловаться и просить суда.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что арестъ, какъ мѣра дисциплинарная, поставленъ въ довольно тѣсныя рамки. Это наказаніе не фигурируетъ въ числѣ наказаній, установленныхъ статьею 65 ул. за преступленія и проступки по службѣ; въ соответствующемъ же пятomъ раздѣлѣ особенной части уложенія арестъ на срокъ не свыше семи дней встрѣчается только одинъ разъ, въ ст. 393, предусматривающей явно оказанное начальству въ дѣлахъ службы ослушаніе.

Осуществленіе въ указанныхъ предѣлахъ дисциплинарной репрессіи не обставлено какими либо внѣшними условіями, могущими имѣть значеніе формальнаго обезпеченія ея справедливости и цѣлесообразности. Противъ всѣмъ къ этому служить, съ одной стороны, право жалобы, а съ другой—требованіе, чтобы дисциплинарное наказаніе было послѣдствіемъ прямого нарушенія закона; другими словами, дисциплинарная отвѣтственность въ этой формѣ, устанавливаемой уложеніемъ и уставомъ уг. суд., предназначена быть отвѣтственностью на законномъ основаніи. Слабая сторона такой постановки проявляется отчасти въ несовершенствѣ матеріально-правовыхъ постановленій, предусматривающихъ преступленія по службѣ: въ нихъ нѣтъ ни системы, ни надлежащей полноты, хотя они многочисленны, многословны и часто казуистичны. Другая слабая сторона—невозможность дѣйствительнаго контроля надъ дѣйствіями начальства, коими налагаются взысканія. Осуществленіе права жалобы представляется фактически весьма затруднительнымъ и въ большинствѣ случаевъ отразилось бы невыгодно на жалобщикѣ; другихъ же гарантій противъ возможной несправедливости въ его распоряженіи не имѣется.

На ряду съ указанной формой несудебной отвѣтственности, дѣйствующее право знаетъ другую: отвѣтственность по усмотрѣнію начальства, установленную закономъ 7 ноября 1850 г., вошедшимъ въ уставъ о службѣ (ст. 789 изд. 1896 г.).

Право начальства увольнять чиновниковъ, оказавшихся по его мнѣнію неспособными къ

исправленію возложенныхъ на нихъ должностей, или почему-либо неблагонадежными, или „сдѣлавшихъ вину, извѣстную начальству, но такую, которая не можетъ быть доказана фактами“, есть право безконтрольное и безапелляціонное. Безконтрольное потому, что единственное требованіе, предъявляемое закономъ начальству, заключается въ томъ, чтобы оно увольняло „съ достаточною осмотрительностью, при полномъ убѣжденіи въ неспособности или неблагонадежности чиновника, не допуская ни пристрастія, ни личности“, причемъ никакая санкція не подкрѣпляетъ этого требованія, получающаго такимъ образомъ безусловно характеръ платоническій. Безапелляціонное—такъ какъ ст. 789 уст. о сл. категорически говоритъ, что тѣ чиновники, кои по усмотрѣнію начальства будутъ просто уволены отъ службы, безъ означенія причинъ сего увольненія, на такое распоряженіе не могутъ жаловаться, и всѣ ихъ жалобы, а также просьбы о возвращеніи къ прежнимъ должностямъ или преданіи суду, не только должны быть оставляемы безъ всякаго дѣйствія и движенія, но ни въ Сенатѣ, ни въ Канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, не должны быть вообще принимаемы къ разсмотрѣнію. Несомнѣнно, что такое сосуществованіе двухъ исключаящихъ другъ друга порядковъ отвѣтственности—на законномъ основаніи и по усмотрѣнію, не обставленному никакими ограничительными условіями,—будучи явленіемъ ненормальнымъ, сводится къ полнѣйшему преобладанію второго надъ первымъ, и послѣдствіемъ этого именно и является то начало личной зависимости отъ начальства, на которое указывалъ Градовскій. Неудобства изъясненнаго положенія вещей въ практической жизни должны, очевидно, быть обратно пропорціональны развитію въ отношеніяхъ между начальствующими и подчиненными принципа законности и справедливости. Полное ихъ устраненіе предполагаетъ, что и самое примѣненіе личнаго усмотрѣнія начальства признано недопустимымъ. Но если общій строй служебнаго механизма въ данномъ государствѣ противится перенесенію въ него чисто юридическихъ взглядовъ и понятій, то во всякомъ случаѣ есть полная возможность обставить проявленіе начала усмотрѣнія такими формальными условіями и требованіями, при наличности которыхъ оно теряетъ свой острый характеръ произвола. Къ такому рѣшенію, какъ мы увидимъ, приходитъ проектъ устава о служебныхъ провинностяхъ, къ разсмотрѣнію коего мы и переходимъ.

Сто три статьи, составляющія содержаніе проекта, распадаются на шесть главъ, послѣдовательно заключающихъ въ себѣ общія опредѣленія служебныхъ провинностей и взысканій за оныя, правила о наложеніи взысканій за служебныя провинности, опредѣленія отдѣльныхъ видовъ служебныхъ провинностей, уста-

новлений, налагающих взыскания за служебные провинности, общего и особого порядка дисциплинарного производства. Устав является, таким образом, сборником отчасти материального, отчасти процессуального права, причем наиболее важными и совершенно новыми оказываются постановления, относящиеся ко второй области. Но и чисто карательные определения проекта заслуживают серьезного внимания.

Здесь, прежде всего, составителям проекта предстояло решить вопрос о том, надлежит ли дать одно общее, широкое понятие служебной провинности и ограничиться им, предоставляя дисциплинарной практике подводить под это понятие разнообразныя проявления, представляющія уклонение по формѣ или по существу от служебнаго долга? Или же и служебныя провинности слѣдует трактовать по той же системѣ, какъ и всякія иныя наказуемыя дѣянія, т. е. сводить ихъ въ извѣстныя категоріи, въ основаніи которыхъ лежитъ одинъ опредѣленный и ближайшимъ образомъ затронутый интересъ, а затѣмъ стремиться къ установленію точныхъ спеціальныхъ признаковъ, характеризующихъ отдѣльныя виды посягательства на этотъ интересъ?

Примѣръ западно-европейскихъ государствъ, обладающихъ дисциплинарными законами, скорее бы побуждалъ слѣдовать первой системѣ. Такъ, по этому пути сознательно пошелъ общегерманскій дисциплинарный уставъ, не опредѣляя вовсе отдѣльныхъ видовъ служебныхъ провинностей и выдвигая лишь процессуальныя гарантіи противъ произвола въ наложеніи дисциплинарныхъ каръ.

Однако, составители проекта склонились ко второй системѣ и дали въ статьяхъ 18—40 подробный перечень отдѣльныхъ видовъ служебныхъ провинностей. Здесь мы находимъ: превышеніе власти, совершеніе, засвидѣтельствованіе или утвержденіе актовъ, воспрещенныхъ закономъ, допущеніе распространенія преступныхъ сочиненій, препятствованіе исполненію служебныхъ обязанностей, учиненіе дѣйствія по службѣ съ нарушеніемъ установленныхъ правилъ, формъ и обрядовъ, разнообразныя виды бездѣйствія власти, медленность по службѣ, неисполненіе обязательныхъ требованій, сообщеніе по небрежности неврѣныхъ свѣдѣній, нарушеніе служебной тайны, грубое обращеніе съ начальникомъ, производство запрещенныхъ промысловъ, торговли и т. п., слабый надзоръ за подчиненными, несоблюденіе установленнаго порядка относительно веденія книгъ и отсылки денегъ или иныхъ предметовъ, неявка на службу и просрочка отпуска, нарушеніе условій вступленія, отправленія и оставленія службы.

Заключительная (41) статья третьей главы, не предусматривая какого-либо отдѣльнаго вида служебной провинности, говоритъ о „на-

рушеніи порядка отправленія службы“ и о „непредусмотрѣнномъ уголовнымъ уложеніемъ или симъ уставомъ неисполненіи или нарушеніи своихъ служебныхъ обязанностей, установленныхъ закономъ“, подвергая виновныхъ замѣчанію или выговору. Замѣтимъ, что здѣсь несомнѣнная неточность редакціи. Согласно первой статьѣ проекта „служебными провинностями признаются дѣянія, предусмотрѣнныя главою третью сего устава“. Сопоставленіе этой и 41 статьи приводитъ къ тому выводу, что могутъ быть дѣянія, предусмотрѣнныя главою третью устава (такъ какъ только таковыя признаются служебными провинностями), но не предусмотрѣнныя уставомъ. Очевидное противорѣчіе, болѣе формальное, однако, нежели по существу, такъ какъ оно совершенно отпадаетъ, если во 2 пунктѣ ст. 41, вмѣсто словъ „непредусмотрѣнномъ . . . симъ уставомъ“, поставить слова „непредусмотрѣнномъ . . . предшествующими статьями“. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: не заключается ли въ ст. 41 отступленіе отъ принятой составителями системы и не свидѣтельствуетъ ли оно о неудовлетворительности этой системы?

Статья 41 представляетъ безъ сомнѣнія нѣкоторую уступку практическимъ потребностямъ жизни, но не слѣдуетъ преувеличивать ея значеніе. Не ругаясь за то, что статьями 18—40 охватывается все разнообразіе нарушеній служебнаго долга, составители устава твердо держатся того положенія, что только за предусмотрѣнныя этими статьями провинности виновные могутъ быть подвергнуты, въ общемъ порядкѣ дисциплинарнаго преслѣдованія, наказаніямъ болѣе строгимъ, нежели замѣчанія и выговоры, т. е., по ст. 2 устава, денежной пенѣ, аресту, удаленію отъ должности. Допуская возможность такихъ нарушеній, которыя не должны проходить даромъ, хотя бы ихъ нельзя было подвести подъ ту или другую спеціальную статью, составители устава ограничили репрессивную дѣятельность начальства по отношенію къ этимъ нарушеніямъ такими мѣрами, карательный характеръ коихъ почти неуловимъ. По поводу замѣчаній и выговоровъ уставъ даетъ лишь то указаніе, что замѣчанія дѣлаются на словахъ или на письмѣ, а выговоры—только на письмѣ. Сюда, слѣдовательно, подойдутъ всякаго рода напоминанія и предостереженія, безъ которыхъ въ сферѣ служебныхъ отношеній едва ли можно обойтись, причемъ допускается и болѣшая свобода въ ихъ примѣненіи, не сопровождающемся ощутительными тягостными послѣдствіями для подвергшагося имъ. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, на ст. 41 нельзя ссылаться, какъ на доказательство неудобства спеціализаціи служебныхъ провинностей.

Но затѣмъ остается еще общій вопросъ: нужна ли эта спеціализація? Не будетъ ли правильнѣе и цѣлесообразнѣе система обще-гер-

манскаго дисциплинарнаго устава? Для насъ, согласно общему нашему воззрѣнію, отвѣтъ несомнѣненъ и дается безусловно въ пользу системы, принятой составителями проекта. Конечно, гораздо удобнѣе обойтись однимъ общимъ указаніемъ на упущенія по службѣ, устанавливая затѣмъ центръ тяжести въ устройствѣ дисциплинарнаго суда и формахъ дисциплинарнаго производства. Но это возможно тамъ, гдѣ уже продолжительный опытъ выработалъ твердыя и опредѣленныя основанія дисциплинарной отвѣтственности, установивъ точныя и наглядныя признаки дисциплинарной вины. У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Попытка установить эти признаки по каждому отдѣльному виду въ самомъ законѣ создаетъ лишнюю гарантію для служащихъ. Признать, что такая попытка по существу своему противорѣчитъ интересамъ службы, значило бы придать этимъ интересамъ слишкомъ неопредѣленный характеръ блага, неподдающагося ближайшему анализу. На самомъ дѣлѣ только новизна дѣла приводитъ къ мысли, что интересы службы представляются по свойствамъ своимъ чѣмъ-то особеннымъ. Старая поговорка, видящая въ каждомъ опредѣленіи нѣчто опасное, одинаково можетъ примѣняться и ко всѣмъ прочимъ благамъ, охраняемымъ закономъ.

Со временемъ выяснятся недостатки и пробѣлы, столь же неизбежныя при опредѣленіи отдѣльных видовъ служебныхъ провинностей, какъ и всякихъ другихъ. Усовершенствованія на этомъ пути возможны, такъ какъ есть чему совершенствоваться. Можно возражать противъ внесенія или невнесенія въ уставъ того или другого нарушенія служебнаго долга; но принципиальное отрицаніе пользы и значенія спеціализаціи, по нашему мнѣнію, не имѣетъ подъ собою твердой почвы, такъ какъ основывается исключительно на указаніи практической трудности, которую отнюдь не слѣдуетъ считать непреодолимой.

Необходимо при этомъ оговориться, что истинное свое значеніе спеціализація провинностей получить только тогда, когда ей будетъ соответствовать и спеціализація взысканій. Установленіе въ законѣ опредѣленнаго наказанія за данный проступокъ есть, вообще говоря, наиболѣе трудная задача законодательной техники. Вѣрное ея разрѣшеніе предполагаетъ вѣрную оцѣнку важности охраняемаго интереса и полную соразмѣрность между карой и степенію вины. Достигнуть здѣсь идеальной справедливости, имѣя въ рукахъ одни только эмпирическія средства,—едва-ли возможно; но стремленіе къ этому идеалу имѣетъ то послѣдствіе, что произволъ въ выборѣ наказаній въ значительной степени смягчается категорическимъ указаніемъ закона. Такимъ образомъ, выражаясь техническимъ языкомъ, относительную опредѣленность санкціи не слѣдуетъ растягивать до превращенія ея въ безусловную не-

опредѣленность. Въ этомъ отношеніи довольно многія статьи главы третьей проекта идутъ чрезвычайно далеко, предоставляя выборъ между тремя столь различными взысканіями, какъ выговоръ, денежная пеня и арестъ, въ иныхъ случаяхъ между четырьмя (таковы ст. 18: превышеніе власти, влекущее за собою, въ случаѣ умышленной вины, выговоръ, денежную пеню, арестъ или удаленіе отъ должности; то же ст. 24—о бездѣйствіи власти) а въ ст. 30—о медленности по службѣ,— даже между всѣми пятью наказаніями.

Переходя къ наказаніямъ, устанавливаемымъ проектомъ, вниманіе наше прежде всего останавливается на одномъ изъ нихъ, получившемъ крупное развитіе: мы говоримъ объ арестѣ. Здѣсь существенное измѣненіе нынѣшняго положенія вещей, и въ цѣлесообразности такого измѣненія, въ практическомъ его значеніи—можно сильно сомнѣваться. Тѣсныя предѣлы дисциплинарнаго ареста, очерченные дѣйствующимъ правомъ, расширяются до чрезвычайности. По проекту, арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ, и отбывается или въ домѣ соответствующаго вѣдомства, или на военной гауптвахтѣ, или, если срокъ ареста свыше семи дней,—въ помѣщеніи, устроенномъ для наказанія арестомъ, причемъ арестованный содержится отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ только при наличности свободныхъ камеръ. Въ двадцати трехъ карательныхъ статьяхъ проекта арестъ встрѣчается двадцать одинъ разъ.

Мы видѣли, что въ дѣйствующемъ правѣ арестъ, какъ мѣра дисциплинарная, допускается только въ одномъ случаѣ, причемъ согласно общему правилу, выраженному въ ст. 57 уложенія, это наказаніе можетъ быть отбываемо и на собственномъ мѣстѣ жительства и въ домѣ вѣдомства, къ коему принадлежитъ виновный.

Проектъ идетъ здѣсь по совершенно новому пути, расходясь не только съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, но и съ западно-европейскими дисциплинарными уставами, вовсе не знающими долгосрочнаго ареста. Даже краткосрочнаго ареста (на срокъ не свыше восьми дней) мы почти нигдѣ не находимъ. Эту мѣру предполагалось включить въ обще-германскій уставъ, и то въ примѣненіи къ низшимъ служащимъ, но рейхстагъ ее отклонилъ, признавъ, что арестъ не соответствуетъ свойству дисциплинарныхъ взысканій, ограничивая свободу служащаго, притупляя его самолюбіе и подрывая его авторитетъ. Что же касается до столь продолжительныхъ сроковъ ареста, какіе установлены нашимъ проектомъ, то едва-ли возможно ожидать, что они когда-нибудь получатъ практическое примѣненіе; во всякомъ случаѣ, такое примѣненіе было бы въ высшей степени нежелательно, и доказать это не трудно.

Влад. Набоковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Условное осужденіе и народное правосознаніе¹⁾.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, возникающихъ при введеніи всякаго новаго института въ законодательство любой страны, является вопросъ о томъ, насколько этотъ институтъ пригоденъ для даннаго народа, насколько онъ соотвѣтствуетъ господствующимъ въ немъ воззрѣніямъ, и насколько самый народъ доросъ до пониманія идеи, лежащей въ основаніи его. Считается съ народнымъ правосозрѣніемъ въ этомъ случаѣ является существенно необходимымъ — иначе законодатель, идя въ разрѣзъ съ народнымъ духомъ, можетъ ввести институтъ ему чуждый; народъ въ этомъ случаѣ или будетъ относиться враждебно къ вводимому институту или же, непонимая лежащей въ его основаніи идеи, придастъ ему окраску иную, чѣмъ хотѣлъ законодатель: въ первомъ случаѣ эта идея не будетъ находить себѣ практическаго примѣненія, во второмъ — она будетъ извращаться въ своему примѣненіи. Итакъ, прежде всего при введеніи новаго правового института возникаетъ вопросъ о томъ, насколько по своей идеѣ онъ мирится съ общимъ правосознаніемъ и насколько верно и правильно онъ можетъ быть понятъ народомъ. Только послѣ благоприятнаго отвѣта на эти вопросы и можно перейти къ обсужденію вопроса о томъ, насколько пригоденъ институтъ для даннаго народа въ той формѣ, въ которой предлагается онъ къ введенію.

Только-что указанныя соображенія въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду при введеніи института, относящагося къ карательной области, гдѣ всякая ошибка можетъ повести за собой немаловажныя послѣдствія, такъ какъ нерѣдко косвенно она можетъ способствовать увеличенію преступности, порождая неправильное воззрѣніе народа на природу даннаго института. Однимъ изъ институтовъ, относящихся къ карательной области, на который въ настоящее время обращается особое вниманіе въ европейскомъ обществѣ, и на желательность введенія котораго въ Россіи указывается и нашей литературой, является условное осужденіе, или погасительная отерочка исполненія наказанія. Сущность условнаго осужденія состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ, закономъ указанныхъ, случаяхъ судъ имѣетъ право приостановить на опредѣленный срокъ исполненіе постановленнаго имъ приговора подъ условіемъ, чтобы осужденный не совершилъ въ теченіе его новаго преступленія; при выполненіи этого условія осужденный совершенно освобождается отъ приостановленнаго наказанія, въ противномъ же случаѣ, при совершеніи новаго преступленія, приостановленное наказаніе приводится въ исполненіе.

¹⁾ Настоящая статья, подробно разрабатывающая вопросъ, затронутый въ статьѣ проф. А. А. Пюнтковскаго, доставлена редакціи одновременно съ послѣдней.

Институтъ этотъ, возникшій преимущественно на почвѣ стремленій замѣнить въ извѣстныхъ случаяхъ краткосрочное тюремное заключеніе болѣе рациональнымъ способомъ воздѣйствія на преступника и избавить его отъ тлетворныхъ вліяній тюремнаго заключенія, поконитъ главнымъ образомъ на той мысли, что иногда представляется болѣе цѣлесообразнымъ предоставить исправленіе преступника въ его собственныя руки, чѣмъ достигать этого принудительнымъ путемъ, и только при неудачномъ исходѣ попытки этого рода становится необходимымъ примѣнить къ нему наказаніе. Если вывести въ чистомъ видѣ идею, лежащую въ основаніи института условнаго осужденія, то она представится въ видѣ требованія освободить въ извѣстныхъ случаяхъ виновнаго отъ наказанія подъ условіемъ правомѣрности его поведенія въ будущемъ, съ цѣлью предоставить его исправленіе собственной его самодѣятельности и тѣмъ соблюсти съ одной стороны экономію карательныхъ силъ, необходимую для всякаго государства, съ другой — избавить данное лицо отъ вредныхъ послѣдствій, связанныхъ съ отбытіемъ извѣстнаго наказанія. Такимъ образомъ, коренная идея, лежащая въ основаніи этого института, — идея освобожденія отъ наказанія; видѣтъ въ условномъ осужденіи наказаніе особаго рода — взглядъ, который можно встрѣтить и въ нашей литературѣ, представляется совершенно неправильнымъ, своего рода *contradictio in adjecto*, такъ какъ вся сущность института въ томъ, что назначенное судомъ наказаніе, при условіи правомѣрнаго поведенія, въ исполненіе не приводится; угроза же подвергнуться наказанію въ будущемъ ничѣмъ не отличается отъ общей угрозы уголовного закона.

Сообразно съ поставленнымъ въ началѣ настоящей статьи положеніемъ слѣдуетъ обратиться къ рѣшенію вопроса о томъ, мирится ли идея условнаго осужденія съ народнымъ правосозрѣніемъ, не идетъ ли она съ нимъ въ разрѣзъ, и можетъ ли этотъ институтъ быть правильно оцѣненъ и понятъ народомъ. Эти вопросы представляются особенно важными, такъ какъ въ литературѣ не разъ слышались возраженія противъ условнаго осужденія съ этой точки зрѣнія: именно, прямо указывалось на то, что этотъ институтъ идетъ въ разрѣзъ съ народнымъ правосозрѣніемъ. И это положеніе выставляется многими противниками условнаго осужденія, какъ аргументъ наиболѣе важный и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько безусловнаго характера, что доказательствъ его не считаютъ даже нужнымъ приводить, выставя свое положеніе въ качествѣ очевидной для всѣхъ аксіомы. Такъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ условнаго осужденія профессоръ гейдельбергскаго университета Кирхенгеймъ указывалъ на Спб. пенитенціарномъ международномъ конгрессѣ 1890 г. на

то, что народное правосознание никогда не будет в состоянии примириться с этим институтом, в основѣ котораго лежитъ мысль, что совершить преступленіе одинъ разъ можно. „Приступая къ нововведеніямъ въ области уголовного права, говорилъ онъ, законодательство и наука обязаны считаться съ народными идеями и уважать ихъ. Народъ понимаетъ вообще идею напослѣдствіи (la portée de l'admonition); онъ знаетъ, что это наказаніе. Онъ постигаетъ значеніе судебного поручительства (cautionnement). Но никогда онъ не пойметъ судью, который назначаетъ наказаніе и въ то же время объявляетъ отсрочку его. Онъ уподобитъ скорѣе всего этотъ случай освобожденію, потому что народъ привыкъ судить по впечатлѣніямъ, производимымъ на его чувство, и требуетъ отъ наказанія, чтобы оно имѣло дѣйствительное вліяніе въ жизни осужденнаго. Если уголовное законодательство будетъ пренебрегать этими идеями, оно откроетъ двери мщенію за обиду“¹⁾.

Но какъ эти аргументы на первый взглядъ ни кажутся сильными и убѣдительными, нельзя не замѣтить, что они голословны. На чемъ, дѣйствительно, покоятся эти разсужденія, какъ не на предположеніяхъ, выведенныхъ совершенно a priori, не обращая вниманія на реальную жизнь?

Мы никакъ не можемъ согласиться съ указанными только-что возраженіями и стараемся привести въ доказательство правильности своего мнѣнія болѣе реальныя данныя, имѣющія подкладку въ дѣйствительной жизни, а не общее голословное положеніе; а такъ какъ мы имѣемъ въ виду введеніе этого института въ Россіи, то мы должны считаться съ правовоззрѣніями русскаго народа.

Какъ же относится нашъ народъ къ основной идеѣ условнаго осужденія—идеѣ освобожденія отъ наказанія подъ условіемъ несовершенія новаго преступнаго дѣянія?

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, необходимо указать на источники, откуда непосредственно можно черпать свѣдѣнія о правовыхъ взглядахъ народа. Такими источниками являются съ одной стороны тѣ положенія, употребляемыя въ обыденной рѣчи, въ которыхъ нашла себѣ выраженіе вѣковая народная мудрость—пословицы, съ другой стороны—и это самый важный источникъ—рѣшенія судовъ, въ которыхъ народъ принимаетъ непосредственное участіе,—судовъ волостныхъ. Но народная мудрость мало даетъ намъ въ этомъ отношеніи цѣннаго матеріала; если мы можемъ сослаться на пословицы вродѣ слѣдующихъ: „въ первой винѣ и Богъ прощаетъ“, „до двухъ разъ прощаютъ, а въ третій бьютъ“, „три раза прости, а въ четвертый прихворости“²⁾, то

ссылки подобнаго рода мало убѣдительны и содержатъ въ себѣ слишкомъ мало опредѣленнаго; онѣ указываютъ лишь на то, что народъ считаетъ возможнымъ примириться съ отсутствіемъ въ данномъ случаѣ наказанія за извѣстную вину по тому или другому соображенію, что прощать вообще можно, но только до извѣстныхъ предѣловъ, что повтореніе извѣстнаго проступка нѣсколько разъ указываетъ на особую закоренѣлость преступника, за которую ужъ надо „бить“. Но во всякомъ случаѣ послѣднія даютъ намъ мало данныхъ для опредѣленія народныхъ взглядовъ на идею, лежащую въ основаніи института условнаго осужденія. Мы не будемъ поэтому останавливаться долѣе на этомъ источникѣ и перейдемъ ко второму—рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, которыя даютъ уже гораздо болѣе осязательныхъ данныхъ для выясненія нашего вопроса. Къ сожалѣнію, рѣшенія волостныхъ судовъ представляютъ изъ себя матеріалъ, еще очень мало разработанный; однако и въ томъ видѣ, въ которомъ онъ теперь находится, онъ представляетъ изъ себя немалую цѣнность и можетъ ясно освѣтить вопросъ о соотвѣтствіи извѣстнаго института съ народнымъ правовоззрѣніемъ¹⁾.

И вотъ, при поверхностномъ даже ознакомленіи съ волостной юстиціей, мы можемъ увидѣть, что народное правовоззрѣніе знаетъ институты, весьма близкіе по своей идеѣ къ институту условнаго осужденія; это—внушеніе, обязательство подпиской и оставленіе на замѣчаніи суда или подозрѣніи общества.

Къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ институтовъ мы теперь обратимся и прежде всего остановимся на внушеніи. По своему существу, внушеніе отличается отъ выговора; выговоръ безусловно обладаетъ характеромъ наказанія, тогда какъ внушеніе не болѣе, какъ простое указаніе, совѣтъ, дѣлаемый судомъ. Этотъ его характеръ можно, между прочимъ, вывести изъ того факта, что въ практикѣ волостныхъ судовъ весьма часты случаи, когда въ приговорѣ внушеніе сопровождается другія наказанія (въ томъ числѣ нерѣдко и строгій выговоръ); здѣсь внушеніе является вспомогательною мѣрою, дополнительнымъ моментомъ къ наказанію, не будучи имъ само по себѣ, такъ какъ содер-

¹⁾ Главнымъ пособіемъ для ознакомленія съ волостной юстиціей является у насъ шесть томовъ Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, изд. 1873 года. Хотя рѣшенія волостныхъ судовъ, здѣсь изложенныя, относятся къ періоду времени отъ 1861—72, (преимущественно къ 1871—1872), но за неимѣніемъ никакихъ другихъ данныхъ того же рода, и предполагая, что за послѣднее тридцатилѣтіе волостная юстиція едва-ли измѣнилась столь существенно въ сравненіи съ прежней, что послѣдней нельзя придавать должнаго значенія,—мы будемъ имѣть въ виду рѣшенія этихъ судовъ, относящихся главнымъ образомъ къ 1871—72 г.

¹⁾ Actes du congrès pénitentiaire international de S.-Petersbourg. 1890 vol. II p. 499.

²⁾ Даль. Пословицы русскаго народа, стр. 227.

жить только указаніе суда, какъ слѣдуетъ виновному поступать въ будущемъ¹⁾.

Но затѣмъ бывають случаи, когда внушеніе имѣетъ вполне самостоятельное значеніе: именно тогда, когда виновный не подвергается вовсе наказанію, хотя и констатирована его виновность въ этомъ случаѣ; онъ какъ бы условно осуждается: онъ признанъ виновнымъ, но исполненіе наказанія, откладывается до другого случая. Самое внушеніе, которое въ такомъ случаѣ дѣлается виновному, бываетъ двухъ родовъ—или ему указывается на то, что онъ долженъ воздерживаться отъ совершенія проступковъ даннаго рода или вести себя вообще хорошо, причемъ дальнѣйшихъ опредѣленій приговоръ не содержитъ, или же указывается на то, что въ случаѣ совершенія новаго преступленія или повторенія прежняго онъ подвергнется строгому взысканію, которое иногда ближе не опредѣляется, иногда же точно въ приговорѣ указывается; такъ въ первомъ случаѣ судъ постановляетъ: „внушить виновному, чтобы онъ подобныхъ поступковъ остерегался“²⁾, или „на слѣдующее время подтвердить, чтобы таковыхъ дѣйствій не дѣлалъ“, или „дабы такъ не безобразничалъ“,³⁾ или „чтобы онъ велъ себя лучше“⁴⁾; во второмъ же случаѣ постановляется, чтобы „виновный на будущее время воздерживалъ себя отъ разныхъ поступковъ подъ опасеніемъ болѣе строгаго взысканія по законамъ“⁵⁾, или же указывается только на то, чтобы „виновный на будущее время остерегался отъ подобныхъ дѣйствій подъ опасеніемъ болѣе строгаго взысканія“⁶⁾; или виновный предвѣщается, что „въ случаѣ повторенія онъ будетъ строго наказанъ“⁷⁾; въ иныхъ случаяхъ, какъ было выше указано, во внушеніи опредѣляется то наказаніе — главнымъ образомъ тѣлесное, которому данное лицо будетъ подвергнуто въ случаѣ совершенія новаго преступленія, напр. въ приговорѣ говорится: „сдѣлавъ строгое замѣчаніе, что если онъ не исправится, то будетъ тѣлесно наказанъ“⁸⁾. Основанія для освобожденія отъ наказанія въ этихъ случаяхъ приводятся различныя: несовершеннолѣтіе лица⁹⁾, чистосердечное раскаяніе¹⁰⁾, прощенье со стороны потерпѣвшаго¹¹⁾, мировыя сдѣлки¹²⁾, взаимность обидъ („обопольная брань“¹³⁾) и т. п. Что касается преступныхъ дѣяній, относительно которыхъ примѣняется эта мѣра, то они слѣдующія: рѣже всего кража¹⁴⁾, обида дѣйствіемъ¹⁵⁾, обида словомъ¹⁶⁾, подача неспра-

ведливой жалобы и ложное обвиненіе¹⁾; чаще нанесеніе побоевъ женѣ мужемъ и жестокое обращеніе²⁾; самовольное отклоненіе отъ исполненія обязанностей (удаленіе полѣсовщика изъ ввѣреннаго ему участка³⁾; самовольный уходъ изъ обученія мастерству до истеченія срока⁴⁾; самовольное оставленіе годового служенія⁵⁾; оставленіе исполненія обязанностей сторожа⁶⁾; самовольный уходъ со схода⁷⁾; самовольная отлучка⁸⁾.

А. А. Жижиленно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Принятіе въ русское подданство.

(Продолженіе).

II) На основаніи ст. 1024 зак. сост. совершеннолѣтнія дѣти иностранцевъ, *принятыхъ въ подданство Россіи*, натурализуются въ Россіи указаннымъ въ ст. 1023 зак. сост. порядкомъ, т. е. властью *губернскаго правленія*, если заявятъ о своемъ желаніи вступить въ русское подданство или одновременно съ ихъ родителями, или въ теченіе года со времени принятія въ подданство родителей и представляютъ документы, требуемые ст. 1018 и 1019 зак. сост. (опр. 1 д-та Сен. 25 сентября 1896 г. по д. Гартфельдеровъ и мн. др.).

Приведенная статья закона возбуждаетъ рядъ вопросовъ: распространяется-ли дѣйствіе ст. 1024 на дѣтей евреевъ, принимаемыхъ въ русское подданство? Въ виду соображеній, изложенныхъ нами по поводу ст. 1023 зак. сост., думаемъ, что нѣтъ законнаго основанія не распространять его на евреевъ.

Требуется ли для примѣненія ст. 1024 вступленіе въ подданство Россіи непременно обоимъ родителямъ, или дѣйствіе ея наступаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ русское подданство принять только отецъ иностранца, вдовый или разведенный? Отвѣчаемъ утвердительно на этотъ вопросъ, въ виду того, что рѣшающее значеніе въ вопросѣ о подданствѣ семьи наше законодательство придаетъ мужу—главѣ семьи (ст. 1015 зак. сост.), права котораго на русское подданство сообщаются женѣ, безъ особаго акта ея натурализаціи (ст. 1028 *ibid.*).

Болѣе сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ, можетъ-ли принять русское подданство по ст. 1024 зак. сост. иностранецъ, мать котораго, вдовая или разведенная, натурализована въ Россіи, и мы склонны къ отрицательному разрѣшенію этого вопроса по слѣдующимъ соображеніямъ: подъ выраженіемъ закона „родители“ нѣтъ достаточнаго основанія понимать одну мать, такъ какъ дѣти вообще пользуются правами состоя-

¹⁾ См. напр. Труды комиссіи т. IV, стр. 149 № 11, т. VI стр. № 296 № 7 стр. 746 № 1. ²⁾ Труды II, 48 № 11. ³⁾ Труды III, 5 № 22 и 23. ⁴⁾ Труды III, 110 № 28. ⁵⁾ Труды IV, 395 № 3. ⁶⁾ Труды V, 39 рѣш. 1 июня 1867 г. ⁷⁾ Труды III, 141 № 10. ⁸⁾ Труды II, 117 № 28 и VI, 296 № 7. ⁹⁾ Труды IV, 356 № 4. ¹⁰⁾ Труды II, 48 № 11. ¹¹⁾ Труды V, 189 № 1. ¹²⁾ Труды V, 63 № 20 и 64 № 26. ¹³⁾ Труды II, 379 дѣло II рѣш. 1872 г.; IV, 395 № 3. ¹⁴⁾ Труды II 48 № 11. ¹⁵⁾ Труды V, 5 № 22 и 23. ¹⁶⁾ Труды II, 379; IV, 395 № 3 III, 110 № 28.

¹⁾ Труды IV, 39; I, 249 № 10. ²⁾ Труды III, 18 № 75; 240 № 32; V, 64 № 26, 189 № 1; VI, 563 № 26. ³⁾ Труды I, 769 № 9. ⁴⁾ Труды IV, 327 № 9. ⁵⁾ Труды IV, 330 № 23. ⁶⁾ Труды IV, 356 № 4. ⁷⁾ Труды IV 495 № 34. ⁸⁾ Труды III, 451 № 14—17.

ня по отцу, а не по матери; засимъ, дѣтямъ русской подданной, бывшей замужемъ за иностранцемъ и овдовѣвшей или разведенной, предоставляется, согласно ст. 1027 зак. сост., право принять русское подданство лишь по ст. 1023 зак. сост., т. е. въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія, а не по ст. 1024, и слѣдовательно, тѣмъ менѣе основанія предоставлять подобное право по ст. 1024 дѣтямъ иностранки, натурализованной въ Россіи; наконецъ, принятіе въ подданство по ст. 1024 дѣтей разведенной съ мужемъ иностранки, натурализованной въ Россіи, было бы въ прямомъ противорѣчій со смысломъ этой статьи, такъ какъ отецъ дѣтей остается въ иностранномъ подданствѣ.

Относится-ли ст. 1024 зак. сост. только къ дѣтямъ, родившимся въ законномъ бракѣ, или также къ узаконеннымъ и усыновленнымъ, и наконецъ, и къ незаконнорожденнымъ? Узаконенныя дѣти по русскому законодательству (зак. гражд. т. X ч. 1 ст. 144 изд. 1887 г., ст. 144¹ п. 3 по прод. 1895 г.) пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей, и потому, если дѣйствительность акта, которымъ узаконены дѣти иностранца, не подлежитъ сомнѣнію, то имъ и не можетъ быть отказано въ натурализаціи наравнѣ съ законными дѣтьми иностранца. Иное положеніе дѣтей усыновленныхъ: по нашему праву усыновленіе является институтомъ если не исключительно, то преимущественно гражданскаго права, и почти не влечетъ послѣдствій въ области публичнаго права: усыновленный по общему правилу сохраняетъ принадлежачія ему по рожденію права состоянія (ст. 154 зак. гражд. по прод. 1895 г.), не пользуется правами на пенсію и пособія за службу усыновителя (ст. 156² *ibid.*), не вступаетъ въ подданство усыновителя (ст. 163 зак. гражд. изд. 1887 г.), даже въ гражданскихъ правахъ онъ не сравнивается съ законными дѣтьми своего усыновителя (ст. 156¹, 156³, 156⁴ зак. гражд. по прод. 1895 г.), не разрывая въ то же время связи съ своими кровными родственниками (ст. 156⁵, 156⁷ *ibid.*), а потому и дѣйствіе ст. 1024 зак. сост. не можетъ быть распространяемо на усыновленныхъ дѣтей иностранцевъ, а равно и на иностранцевъ, усыновленныхъ русскими подданными (см. рѣш. гр. касс. д-та Пр. С. 1898 г. № 32, отд. III вопросы 48 и 54). Что же касается дѣтей незаконныхъ, то, если они родились за границею, — натурализація ихъ матери въ Россіи не создаетъ для нихъ, по нашему мнѣнію, права на принятіе русскаго подданства по 1024 ст. зак. сост. по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ мы отрицаемъ такое право и за законными дѣтьми натурализованныхъ въ Россіи вдовъ и разведенныхъ женъ; если же незаконныя дѣти прижиты иностранками въ Россіи, то уже въ силу самаго рожденія они должны быть признаваемы русскими подданными, такъ какъ наше законодательство (п. 5 ст. 38, ст. 46 и 47 прилож. къ

ст. 482 уст. прям. нал. т V изд. 1893 г., п. 3 ст. 522 зак. сост. т. IX изд. 1876 г.) предписываетъ приписывать къ городскимъ и сельскимъ обществамъ всѣхъ вообще незаконнорожденныхъ, къ какому бы званію ни принадлежали ихъ матери, и не допускаетъ сообщенія незаконнымъ дѣтямъ какихъ-либо правъ ихъ матерями (ср. ст. 138, 140 и прим. зак. гражд.), не дѣлая никакого исключенія для незаконнорожденныхъ дѣтей иностранокъ¹⁾.

Можетъ-ли быть примѣняема ст. 1024 къ дѣтямъ иностранцевъ, подходящимъ подъ дѣйствіе ст. 1023 зак. сост., но не воспользовавшимся своимъ правомъ вступить въ русское подданство въ годичный срокъ по достиженіи совершеннолѣтія? Несмотря на выраженное въ концѣ ст. 1023 указаніе о томъ, что эти лица, если не примутъ подданства въ назначенный срокъ, то впослѣдствіи подчиняются дѣйствію общаго порядка, мы думаемъ, что къ нимъ ст. 1024 можетъ и должна быть примѣняема. Законодательный мотивъ ст. 1024, очевидно, заключается въ томъ, чтобы облегчить дѣтямъ возможность слѣдовать подданству родителей. Если это облегченіе предоставляется по буквѣ ст. 1024 даже дѣтямъ иностранцевъ, родившимся и воспитаннымъ за границею, то тѣмъ болѣе оно должно быть дано дѣтямъ иностранцевъ, упомянутымъ въ ст. 1023, т. е. родившимся въ Россіи или воспитаннымъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. То обстоятельство, что послѣдніе, достигнувъ совершеннолѣтія, не пожелали принять русскаго подданства, не можетъ создавать для нихъ затрудненія для вступленія въ подданство Россіи въ томъ случаѣ, если впослѣдствіи наступитъ новый фактъ принятія родителями ихъ въ русское подданство, тѣмъ болѣе, что ст. 1023 отъ начала и до конца говоритъ только о дѣтяхъ тѣхъ иностранцевъ, которые русскаго подданства не приняли. Прав. Сенатъ не встрѣчаетъ препятствій допускать къ принятію русскаго подданства по 1024 ст. лицъ, находящихся въ подобномъ положеніи (опр. 1-го д-та 30 марта 1894 г. по д. Луцевского, 27 ноября 1896 г. по д. Яроша).

III) Хотя въ законѣ нѣтъ прямого указанія на то, чтобы дѣти иностранцевъ, родившіяся за границей, не получившія образованія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и бывшія несовершеннолѣтними въ то время, когда родители ихъ принимали русское подданство, могли быть по достиженіи совершеннолѣтія приняты въ подданство Россіи властью *губернскаго правленія*, однако Прав. Сенатъ нашель, что такое ихъ пра-

¹⁾ Утвержденіе проф. А. С. Алексѣева (Русское госуд. право, Москва 1897 г., § 149), будто незаконнорожденныя дѣти слѣдуютъ участи матери, и вопросъ о ихъ подданствѣ рѣшается тѣмъ, чья подданная мать, несогласно съ русскимъ законодательствомъ и составляетъ лишь *pium desiderium* института международнаго права (оксфордскій проектъ конвенціи 1830 г.).

во вытекаетъ изъ сопоставленія смысла ст. 1023 и 1024 зак. сост. (опр. 1-го д-та 4 февр. 1898 г. по д. Миллера, ср. также опр. 12 марта 1897 г. по д. Штрауса) И дѣйствительно, если законъ облегчаетъ вступленіе въ русское подданство совершеннолѣтнимъ дѣтямъ иностранцевъ, принимаемыхъ въ это подданство, то одно неупоминаніе о дѣтяхъ несовершеннолѣтнихъ не можетъ быть поводомъ для непризнанія за ними подобнаго же права. Другое дѣло—осуществленіе ими этого права: оно возможно только по достиженіи совершеннолѣтія, такъ какъ лишь съ этого момента, согласно ст. 4 зак. сост., начинается для каждаго лица пользованіе правами состоянія.

Утвержденіе проф. А. Д. Градовскаго ¹⁾, будто несовершеннолѣтніа дѣти иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, оставляются *in suspenso* до совершеннолѣтія и затѣмъ имъ предоставляется объявить, желаютъ-ли они вступить въ русское подданство или нѣтъ—является не точнымъ и находитъ себѣ, повидимому, объясненіе въ томъ, что проф. Градовскій не замѣчалъ существованія у насъ особеннаго, льготнаго порядка натурализаціи. Между тѣмъ, по точному и ясному смыслу ст. 1015 зак. сост., натурализація иностранца не распространяется на его дѣтей, прежде рожденныхъ: слѣдовательно и несовершеннолѣтніа дѣти его остаются въ прежнемъ подданствѣ. Обязанность объявить, по достиженіи совершеннолѣтія, желаютъ-ли принять русское подданство—установлена только для дѣтей русскихъ евреекъ, бывшихъ замужемъ за иностранцами (о чемъ мы говоримъ ниже, п. V), дѣтямъ же натурализованныхъ въ Россіи иностранцевъ принадлежитъ право принять русское подданство въ льготномъ порядкѣ.

IV) Четвертую категорію иностранцевъ, принимаемыхъ въ русское подданство въ льготномъ порядкѣ, безъ участія министра внутреннихъ дѣлъ, составляютъ женщины, по рожденію русскія подданныя, вступившія въ бракъ съ иностранцами, которымъ на основаніи ст. 1026 зак. сост. принадлежитъ право послѣ смерти мужа или расторженія брака съ нимъ возвратиться въ подданство Россіи. Для осуществленія этого права онѣ должны представить губернатору удостовѣреніе о прекращеніи брачнаго состоянія и получить *отъ губернатора* въ этомъ удостовѣреніе. Право это принадлежитъ, согласно ст. 993 зак. сост., и русскимъ подданнымъ еврейкамъ, вступившимъ въ бракъ съ иностранными подданными, и затѣмъ овдовѣвшимъ или разведеннымъ съ мужьями, однако лишь при томъ условіи, если онѣ не оставляли отечества; въ примѣчаніи къ ст. 993 тоже условіе относительно евреекъ, вышедшихъ замужъ за австрійскихъ подданныхъ, выражено иными словами: имъ пре-

доставлено оставаться въ Россіи въ случаѣ недопущенія переселенія ихъ въ Австрію тамошнимъ начальствомъ, и по прекращеніи брачнаго состоянія возвращаться въ русское подданство. Порядокъ возвращенія въ русское подданство евреекъ въ законѣ не указанъ, на практикѣ же дѣла эти вѣдаются *губернскими правленіями*. Это отступленіе отъ порядка, установленнаго въ ст. 1026 для неевреекъ, находитъ себѣ, по нашему мнѣнію, объясненіе въ томъ обстоятельстве, что для обратнаго принятія въ русское подданство еврейки, бывшей замужемъ за иностранцемъ, во-1-хъ, необходимо констатировать фактъ неоставленія ею отечества,—а по этому вопросу могутъ быть споры, требующіе коллегіальнаго обсужденія (ср. п. 1 ст. 496 и 497 общ. губ. учр. т. II изд. 1892 г.),—во-2-хъ же, при несовершенствѣ еврейскихъ метрическихъ записей, самое установленіе тождества личности просительницы съ лицомъ, названнымъ въ свидѣльствахъ о рожденіи, бракѣ и разводѣ, представляется иногда затруднительнымъ и возбуждаетъ споры (ср. опр. д-та Сен. 8 декабря 1888 г. по д. Рябиновичъ; 24 ноября 1893 г. по д. Музыкантъ; 15 іюня 1894 г. по д. Брендеръ; 12 октября 1894 г. по д. Тетельбоймъ и по д. Гринбергъ и др.).

По вопросу о томъ, что понимаетъ законъ подъ выраженіемъ „оставленіе отечества“, первый департаментъ Правительствующаго Сената имѣлъ случай высказаться въ опредѣленіи 1 февраля 1895 г. по д. Фалькъ. Русская подданная еврейка выбыла въ 1890 г. за границу, гдѣ вышла замужъ за германскаго подданнаго еврея, а по разводѣ съ нимъ въ 1892 г. возвратилась въ Россію. Губернское правленіе отказало въ принятіи ея въ русское подданство въ виду оставленія ею отечества, но Прав. Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, нашель, что просительница возвратилась въ Россію послѣ развода на постоянное жительство и потому не можетъ считаться оставившею отечество.

Не можемъ не замѣтить, что хотя подъ оставленіемъ отечества законъ и не разумѣетъ всякую отлучку за границу, однако еврейка, вышедшая замужъ за границу за иностраннаго подданнаго еврея, не получившаго разрѣшенія на прїѣздъ въ Россію, очевидно имѣла въ виду остаться на жительство за границею,—и только вслѣдствіе развода съ мужемъ вернулась въ отечество, а ст. 993 зак. сост. дозволяетъ возвращаться въ русское подданство еврейкамъ, бывшимъ замужемъ за иностранцами, лишь подъ тѣмъ условіемъ, если онѣ не оставляли отечества.

V) На основаніи ст. 1027 зак. сост., дѣти русской подданной, бывшей въ замужествѣ за иностранцемъ, но овдовѣвшей или разведенной съ мужемъ, „подлежатъ въ отношеніи къ поступленію въ русское подданство дѣйствию ст.

¹⁾ Нач. русск. госуд. права, т. I, Спб. 1875 г., § 183.

1023“, т. е. принимаются властью *губернскаго правленія*, если заявят свое желаніе въ годичный срокъ по достиженіи совершеннолѣтія. Согласно ст. 993 зак. сост., дѣти отъ браковъ русскихъ евреекъ съ иностранными подданными, оставшіяся при матери въ Россіи, по достиженіи совершеннолѣтія должны или принять русское подданство или выѣхать за границу; то же должны сдѣлать, по прим. къ ст. 993, въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія, дѣти русскихъ евреекъ отъ браковъ съ австрійскими евреями, оставшіяся при матеряхъ въ Россіи, хотя бы бракъ ихъ родителей и не прекратился смертью или разводомъ.

Сравнивая приведенныя постановленія закона между собою, слѣдуетъ отмѣтить, во-1-хъ, что по общему правилу фактъ пребыванія дѣтей отъ браковъ русскихъ подданныхъ женщинъ съ иностранцами при матери или при отцѣ, въ Россіи или за границей, не вліяетъ на объемъ ихъ права по принятію русскаго подданства; для дѣтей же отъ брака русскихъ евреекъ съ иностранными подданными требуется непременно пребываніе ихъ при матери, не оставившей отечества; во-2-хъ, что хотя въ ст. 993 не упомянуто о годичномъ срокѣ со дня совершеннолѣтія и не сказано, кѣмъ разрѣшается дѣтямъ отъ браковъ русскихъ евреекъ съ иностранцами принятіе подданства, но статья эта должна быть понимаема, по разъясненію Прав. Сената (опр. 1-го д-та 12 апрѣля 1885 г. по д. Диманта и по д. Лангермана; 13 ноября 1896 г. по д. Ранда; 25 сентября 1896 г. по д. Лазаря и по д. Нута и др.), въ соотвѣтствіи со ст. 1027, т. е. евреи, заявившіе о желаніи принять русское подданство въ годичный срокъ со дня достиженія совершеннолѣтія, принимаются въ подданство властью *губернскаго правленія*, и въ-3-хъ, что если русская подданная, бывшая замужемъ за иностранцемъ, овдовѣетъ или разведется съ мужемъ уже по минованіи года послѣ достиженія ея дѣтми совершеннолѣтія, то дѣти ея не могутъ воспользоваться льготнымъ порядкомъ принятія русскаго подданства и, по точному смыслу ст. 1023 (конецъ), могутъ впоследствии поступить въ русское подданство не иначе какъ съ соблюденіемъ общаго порядка; еврей же тѣмъ болѣе не могутъ, при сказанныхъ условіяхъ, воспользоваться льготнымъ порядкомъ вступленія въ подданство, что онъ распространяется на нихъ, по ст. 993, лишь въ томъ случаѣ, если прекращеніе брака ихъ родителей произошло еще до ихъ совершеннолѣтія, и они остались при матеряхъ, кромѣ евреевъ австрійскихъ, которымъ предоставлено оставаться при матеряхъ и безъ прекращенія брака родителей.

Равнымъ образомъ и точный смыслъ ст. 1024 зак. сост. подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе, что дѣти иностранца отъ русской подданной, не могутъ воспользоваться льготнымъ порядкомъ натурализаціи, если прекращеніе

брака ихъ родителей послѣдуетъ позже этого срока, такъ какъ на основаніи этой (1024) ст. льготный порядокъ натурализаціи примѣняется лишь къ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ иностранцевъ, принятыхъ въ подданство Россіи въ общемъ порядкѣ, а не къ дѣтямъ возвращающихся въ русское подданство русскихъ женщинъ, бывшихъ замужемъ за иностранцами.

VI) Наконецъ, на основаніи ст. 1025 зак. сост. изд. 1876 г., иностранцы, состоящіе въ русской службѣ, а также духовные иностранныхъ исповѣданій, приглашенные министерствомъ внутр. дѣлъ на службу въ Россіи, могутъ, если пожелаютъ, принять присягу на подданство во всякое время, безъ всякихъ сроковъ, въ мѣстахъ служенія, по усмотрѣнію ихъ непосредственнаго начальства. Усмотрѣніе это, очевидно, касается лишь назначенія дня принесенія присяги, а не подразумеваетъ власти начальства принимать или не принимать указанныхъ лицъ въ русское подданство, каковая власть предоставлена только министру внутр. дѣлъ. Еще проще принимаются въ подданство Россіи дѣти иностранцевъ, родившіяся въ Россіи и пожелавшія вступить въ государственную службу: по ст. 998 зак. сост. они считаются наравнѣ съ природными подданными. Изъ смысла ст. 1023 зак. сост. слѣдуетъ заключить, что самый фактъ поступленія ихъ въ государственную службу съ принесеніемъ установленной присяги и является для нихъ актомъ принятія русскаго подданства: тѣ изъ дѣтей иностранцевъ, гласить конецъ 1023 ст., которыя въ назначенный срокъ ни присяги на подданство не примутъ, ни въ службу не определятся, могутъ впоследствии поступить въ подданство не иначе какъ съ соблюденіемъ всѣхъ общихъ правилъ.

Распространяется ли и этотъ способъ принятія подданства Россіи на евреевъ? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать иного, кромѣ утвердительнаго отвѣта. Приемъ на службу иностранцевъ нынѣ вообще чрезвычайно ограниченъ (ср. ст. 997 зак. сост. т. IX по прод. 1890 г., ст. 41 и слѣд., уст. сл. прав. т. III изд. 1896 г.), равно какъ и приемъ въ службу евреевъ (ср. ст. 9 уст. сл. прав. т. III изд. 1896 г.), но въ томъ случаѣ—по закону не невозможномъ (ср. п. 2 ст. 290 уст. наст. т. XIV изд. 1890)—если бы въ службу былъ принять иностранный еврей, онъ могъ бы несомнѣнно вступить въ русское подданство по ст. 1025 зак. сост. Равнымъ образомъ и иностранный еврей, выписанный правительствомъ на основаніи п. 1 ст. 290 уст. наст., на должностъ раввина, долженъ быть принять въ подданство Россіи по ст. 1025 зак. сост., если того пожелаетъ. Родившіяся же въ Россіи дѣти иностранныхъ евреевъ, поселившихся въ Россіи на законномъ основаніи, если поступятъ въ государственную службу, то, согласно ст. 998

зак. сост., очевидно, должны считаться принятыми тѣмъ самымъ русское подданство.

М. Лозина-Лозинскій.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ вопросу о сельской общинѣ.

Если начать просматривать сочиненія, изданныя у насъ за послѣднее время, особенно экономистами по вопросу о поземельномъ устройствѣ нашего крестьянства, то у всякаго читателя все болѣе слагается убѣжденіе, что наша сельская община переживаетъ въ настоящее время чуть не свои послѣдніе дни.

Занявшись разсмотрѣніемъ изданнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „Свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ“, я, долженъ признаться, совершенно неожиданно для самого себя, пришелъ къ тому убѣжденію, на основаніи изложенныхъ въ этой книгѣ данныхъ, что въ настоящее время у насъ на Руси повсюду именно *подворное* землевладѣніе переживаетъ критическій моментъ въ своемъ развитіи. По крайней мѣрѣ народъ нашъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, относится къ нему прямо враждебно.

Размѣры газетной статьи не позволяютъ мнѣ подробнѣе остановиться на этомъ, я думаю, для многихъ неожиданномъ заключеніи. Однако, чтобы заявленіе такое не показалось голословнымъ, сошлюсь на слѣдующіе факты.

Изъ 44 губернскихъ совѣщаній, отзывы которыхъ помѣщены въ указанномъ „Сводѣ“, 33 совѣщанія¹⁾ положительно указали на преобладаніе въ ихъ губерніяхъ общинной системы землевладѣнія, заявивъ въ то же время, что въ теченіе всѣхъ 37 лѣтъ со времени эмансипаціи среди крестьянъ не было замѣтно ни малѣйшаго стремленія къ переходу отъ общиннаго къ подворному землевладѣнію. Какъ заявило большинство совѣщаній, причина этого кроется въ твердомъ сознаніи среди самихъ крестьянъ невыгодъ подворнаго владѣнія.

Подтвержденіемъ сказанному можетъ равнымъ образомъ служить и то обстоятельство, что въ 24 губерніяхъ вовсе не было случаевъ выдѣла участковъ изъ общинныхъ земель въ подворную собственность²⁾. Если гдѣ изъ нихъ

такое выдѣленіе и совершалось (до закона 1893 года), то исключительно почти въ дѣляхъ передачи выкупленныхъ участковъ въ чужія руки (въ губерніяхъ Вологодской, Псковской, Херсонской, Черниговской, Ярославской).

Если мы примемъ во вниманіе, что изъ 44 губерній, мнѣнія совѣщаній которыхъ приведены въ „Сводѣ“, пять губерній¹⁾ обладаютъ однимъ подворнымъ землевладѣніемъ, то фактъ господства у насъ общиннаго землевладѣнія является установленнымъ.

Обратное явленіе наблюдаемъ мы, по указаніямъ губернскихъ совѣщаній, относительно *подворнаго* землевладѣнія.

Въ 10 губерніяхъ (Витебской, Волинской, Ковенской, Курской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Орловской, Подольской и Тамбовской), гдѣ имѣется подворное землевладѣніе, это послѣднее, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, связано съ черезполосицей, неизбежной въ виду неодинаковости качества отдѣльныхъ земельныхъ участковъ.

Въ 13 губерніяхъ²⁾ въ случаяхъ подворнаго землевладѣнія наблюдается еще болѣе оригинальное явленіе. А именно, здѣсь подворное владѣніе *de facto* остается тѣмъ же общиннымъ пользованіемъ землею съ тою лишь разницею, что доля участія каждаго члена общества въ надѣльной землѣ (*pars quota*) разъ навсегда опредѣлена и никакимъ колебаніямъ въ размѣрѣ своемъ не подвергается. Такіе подворные владѣльцы ведутъ общее трехпольное хозяйство, имѣютъ общія полосы, водопои, луга и лѣса, и передѣляютъ въ натурѣ фактически пахатную и луговую землю, оставляя лишь всегда неизмѣнной долю участія каждаго совладѣльца въ ихъ общемъ пользованіи.

Насколько велико въ настоящее время стремленіе къ общинному землевладѣнію въ среднихъ нашихъ губерніяхъ, видно уже изъ того обстоятельства, что въ Воронежской губерніи даже *ѣмцы-колонисты* (Острогожскаго уѣзда) въ полевыхъ своихъ надѣлахъ установили общинное землепользованіе. Въ пользу изложеннаго укажемъ равнымъ образомъ на то, что переселенцы изъ губерній, гдѣ преобладаетъ подворное землевладѣніе, на новыхъ мѣстахъ начинаютъ пользоваться землею на общинныхъ началахъ.

Мало того, въ 11 губерніяхъ³⁾ были даже въ достаточномъ количествѣ случаи обратнаго

¹⁾ Арханг., Астрах., Владимірск., Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринослав., Казанской, Калужской, Костр., Курской, Нижегород., Олон., Новгород., Оренб., Орловской, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратов., Симб., Смол., Таврич., Тамб., Тверской, Тульской, Уфимской, Харьк., Херсонской, Ярославской.

²⁾ Губ. Арханг., Астрах., Бессарабская, Витебская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Казанская, Костромская, Курская, Нижегород., Новгород., Оренбургская, Орловская, Пермская, Полт., Рязанская, Петербургская, Саратов., Симб., Смол., Таврич., Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская.

Переходъ отъ общиннаго къ подворному землевладѣнію наблюдался лишь въ губ. Бессарабской, Витебской и Черниговской.

¹⁾ Губ. Подольская, Гроденская, Виленская, Волинская и Ковенская.

²⁾ Въ губ. Казанской, Орловской, Владимірской, Рязанской, Самарской, Саратов., Симбирской, Тамб., Тверской, Херсонской, Тульской, Воронежской и Нижегородской.

³⁾ Губ. Симб., Тамб., Тверская, Херс., Тульская, Екатеринослав., Костр., Курская, Орловская, Влад., Пензенская.

перехода, по приговорамъ, *цѣлыми обществами* отъ подворнаго къ общинному пользованію землею. Стремленіе къ такого рода измѣненію способа землевладѣнія замѣтно почти во всѣхъ среднихъ губерніяхъ, гдѣ осуществленію ихъ препятствуетъ, съ одной стороны, требованіе закона о томъ, чтобы приговоръ о переходѣ такомъ былъ постановляемъ *единогласно* всѣми домохозяевами общества, а съ другой—то обстоятельство, что желающіе *фактически* сами устанавливають между собою пользованіе своими надѣлами на общинныхъ началахъ.

Таковы факты, съ которыми во всякомъ случаѣ придется считаться редакторамъ пересматриваемыхъ нынѣ крестьянскихъ положеній, равно какъ и нашимъ писателямъ-народникамъ, такъ горячо защищающимъ общину отъ предполагаемаго крушенія, или же наоборотъ, отрицающимъ цѣлесообразность ея существованія среди нашего крестьянства.

Во всякомъ случаѣ должно всегда помнить, что какъ принудительное установленіе общинной формы землевладѣнія, такъ равно и искусственное поощреніе перехода населенія къ подворно-наслѣдственному одинаково нежелательны. Существованіе первой формы землевладѣнія обусловливается и находится въ тѣсной связи съ вѣками установившимися обычаями населенія, экономическими и бытовыми условиями его жизни.

Только съ ослабленіемъ этихъ традицій и постепеннымъ измѣненіемъ жизненныхъ условий надо ожидать, что у крестьянъ, быть можетъ, само собою обнаружится стремленіе къ выдѣлу подворно-наслѣдственныхъ участковъ. Слѣдовательно, наиболѣе рациональнымъ было бы, не подвергая существующій нынѣ строй крестьянской жизни насильственной ломкѣ, предоставить своему естественному теченію могущій возникнуть въ будущемъ переходъ отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному владѣнію землею.

С. П. Никоновъ.

Обозрѣніе практики гражд. кассационнаго департамента Правительствующаго Сената за 1897 г.

Желѣзнодорожныя дѣла.

Разъясненія Пр. Сената по вопросамъ желѣзнодорожнаго права имѣютъ особенно важное значеніе для нашей судебной практики: иски къ желѣзнымъ дорогамъ распределяются крайне неравномѣрно между нашими судами, въ иныхъ такіа дѣла вовсе не встрѣчаются, другія завалены исками о переборахъ и т. п. и составляютъ для судей непосильную тяготу. Разобраться въ массѣ непрерывно смѣняющихся тарифовъ, разрѣшить постоянно возникающіе споры о компетенціи учреждений, издавшихъ или измѣнившихъ тарифы, провѣрить сотни

накладныхъ, освоиться съ специальными желѣзнодорожными терминами—все это требуетъ и поглощаетъ столько времени, сколько наши судьи гр. отдѣленій, чрезмѣрно заваленные работой, не въ состояніи удѣлить одному роду дѣлъ. Естественно, поэтому, что суды—особенно единоличныя суды—уклоняются въ большинствѣ случаевъ отъ самостоятельной разработки спорнаго вопроса и безъ всякаго анализа подчиняются взглядамъ, высказаннымъ не только въ департаментскихъ, но и въ рѣшеніяхъ отдѣленій, на которыя стороны всегда и ссылаются по такимъ дѣламъ.

А между тѣмъ практику Сената по многимъ, даже и основнымъ, вопросамъ желѣзнодорожнаго права до сихъ поръ еще нельзя, къ сожалѣнію, считать вполне установившейся. Въ 1897 г. касс. департаментъ вновь пересмотрѣлъ вопросъ объ исковой давности по желѣзнодорожнымъ дѣламъ (рѣшеніе № 42). Ст. 137 уст. жел. дор. гласитъ: „теченіе годоваго срока, опредѣленнаго въ ст. 135 на предъявленіе указанныхъ въ ней исковъ къ жел. дорогамъ, не *приостанавливается* для малолѣтнихъ и вообще для лицъ, состоящихъ подъ опекою. Теченіе означенной исковой давности *прерывается* какъ предъявленіемъ иска въ подлежащемъ судѣ, такъ равно и подачею въ правленіе или управленіе одной изъ отвѣтственныхъ дорогъ письменнаго требованія о вознагражденіи указаннымъ въ ст. 122 порядкомъ. Въ семь послѣднемъ случаѣ время, протекшее отъ заявленія требованія до объявленія заявителю отвѣта на оное желѣзной дороги и возвращенія ему представленныхъ имъ документовъ, не засчитываются въ срокъ исковой давности“.

Различіе терминовъ (*приостанавливаетъ*, *прерываетъ*), употребленныхъ въ одной и той же статьѣ, исключаетъ, казалось бы, всякую возможность связать съ этими терминами тождественныя юридическія послѣдствія и указываетъ на необходимость установить различіе между *приостановленіемъ* и *перерывомъ* давности; съ другой же стороны, сдѣланное во 2 ч. статьи точное опредѣленіе того промежутка времени, который, въ случаѣ перерыва давности, не засчитывается въ ея срокъ, заставляетъ а *contrario* предполагать, что все остальное время съ момента правонарушенія—предшествующее и послѣдующее—не исключается изъ теченія давности, и что, потому, и второй случай въ дѣйствительности является *приостановленіемъ*.

Если принять этотъ второй выводъ, то неминуемо придется пожертвовать буквальнымъ текстомъ закона, который во второй части говоритъ не о *приостановленіи*, а о *перерывѣ*; напротивъ,—если остановиться на первомъ выводѣ, т. е. оставить нетронутымъ буквальный текстъ,—то необходимо лишь отказаться отъ заключенія а *contrario* и допустить, что вмѣсто указанія момента, съ котораго

вновь начинается течь прерванная давность, законъ опредѣлилъ промежутокъ, въ продолженіе котораго, *послѣ перерыва*, давность не начинается своего новаго теченія. Въ пользу втораго взгляда говоритъ также исторія разсматриваемаго закона. Ст. 246 проекта общаго устава, соотвѣтствующая нынѣшней 127 ст., была почти буквально заимствована изъ проекта Бернской конвенціи и редакцірована именно въ смыслѣ опредѣленія дня, съ котораго вновь начинается теченіе прерванной давности. При обсужденіи въ Гос. Совѣтѣ мысль 246 ст. не встрѣтила никакихъ возраженій, и въ журналѣ засѣданія нѣтъ положительно никакого указанія, чтобы измѣненіе редакціи, вызванное совершенно другими соображеніями, имѣло въ виду измѣнить въ чемъ-либо самый смыслъ постановленія проекта. При такихъ условіяхъ — когда приходится либо пренебречь буквальнымъ текстомъ закона, либо устранить неточность редакціи, — казалось бы, что альтернативы здѣсь быть не можетъ, и въ такомъ именно смыслѣ вопросъ этотъ весьма обстоятельно и подробно разрѣшенъ въ нашей юридической литературѣ (См. К. П. Змирловъ: Приостановленіе и перерывъ исковой давности. Ж. М. Ю. 1895 г. № 12 и И. М. Рабиновичъ: Теорія и практика желѣзнодорож. дѣла. Изд. 2 стр. 564, сл.). Но Пр. Сенатъ въ рѣшеніи № 76 за 1891 г. нашель, что въ нашихъ законахъ нѣтъ ни общаго опредѣленія понятія перерыва давности, ни общаго постановленія о томъ, какъ слѣдуетъ исчислять срокъ давности въ случаѣ перерыва ея; что въ нашихъ законахъ указанъ лишь единственный случай (1550 ст. X т.) настоящаго перерыва давности, обусловливающагося измѣненіемъ юридич. отношеній сторонъ, между тѣмъ какъ случай, предусмотрѣнный во 2 ч. 137 ст. общ. уст., совершенно аналогиченъ тѣмъ, въ коихъ (какъ напр., при малолѣтствѣ тяжущагося) продленіе срока давности вызывается препятствіями или затрудненіями въ предьявленіи иска.

Всѣ эти соображенія блестяще опровергнуты въ рѣшеніи № 42 за 1897 г., въ которомъ Сенатъ, слѣдуя принципу, высказанному имъ еще въ самомъ началѣ его дѣятельности (рѣшеніе 1869 г. № 1292), обращается для разрѣшенія коллизіи и къ наукѣ права и къ иностраннымъ и мѣстнымъ законодательствамъ, и приходитъ къ выводу, что „и наши общіе гр. законы, различая между приостановленіемъ и прерваніемъ давности, вполнѣ согласно съ общепризнаннымъ различіемъ между этими понятіями, признають слѣдствіемъ прерванія уничтоженіе протекшей и начатіе новой давности, и что подъ временемъ, которое не засчитывается въ срокъ исковой давности, разумѣется періодъ перерыва, по окончаніи котораго должно начаться теченіе новой годовой давности“. Рѣшеніе Сената разработано весьма подробно и не оставляетъ безъ обсу-

жденія ни одного изъ тѣхъ безусловно правильныхъ соображеній, которыя высказаны въ нашей литературѣ по этому вопросу.

Но приведенное рѣшеніе не ограничивается юридическимъ анализомъ вопроса. „Независимо отъ сего“ Сенатъ обращаетъ вниманіе „и на то стѣснительное, а иногда и безправное положеніе, въ которое потерпѣвшіе отъ дѣйствій желѣзныхъ дорогъ были бы поставлены при толкованіи разсматриваемаго постановленія въ смыслѣ правилъ о приостановленіи давности“.

По этому поводу въ 1891 г. Сенатъ думаль, что „не было никакого основанія создавать для обращающихся къ правленіямъ съ предварительными требованіями большую льготу, которая состояла бы не въ продленіи только срока для представленія иска на то время, на которое такое замедлилось помимо ихъ вины, но на новый годичный срокъ“. Въ 1897 г. Пр. Сенатъ измѣнилъ свой взглядъ: „во всякомъ случаѣ едва ли невыгодныя послѣдствія возможности увеличенія времени для предьявленія иска могли представляться заслуживающими болѣе вниманія, нежели стѣсненія потерпѣвшихъ отъ дѣйствій желѣзныхъ дорогъ, связанныя съ ограниченіемъ дѣйствія вѣсудебнаго требованія вознагражденія—однимъ приостановленіемъ теченія давности“. Такія соображенія Пр. Сенатъ называетъ далѣе „юридико-политическими“. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія удобства и неудобства института для одной и другой стороны можно было бы оспорить многія постановленія X т., тѣмъ болѣе, что вообще всякая норма права, закрѣпляя за однимъ обязанность другого, налагаетъ на однихъ стѣсненія въ пользу другихъ. Не стѣснительно-ли, напр., съше всякой мѣры постановленіе 103 ст., правило о приобретеніи права собственности поддесятилѣтней давности владѣнія безъ всякаго титула и т. д. и т. д. Но едва-ли нужно доказывать, что юридико-политическія соображенія весьма умѣстны, когда рѣчь идетъ о *lege ferenda*, отнюдь не могутъ быть допущены, какъ средство интерпретаціи закона.

Вопросу объ исковой давности по желѣзнодорожнымъ дѣламъ посвящены въ разсматриваемомъ сборникѣ еще два рѣшенія №№ 17 и 63. Въ первомъ изъ нихъ Пр. Сенатъ, согласно съ основнымъ началомъ объ ограничительномъ толкованіи изъятій изъ общаго правила, разъяснилъ, что годовая давность, установленная въ 135 ст. общ. уст., не распространяется на иски, основанные на 84 ст. того же уст., потому что объ этихъ искахъ ст. 135, содержащая перечисленіе, не упоминаетъ. Во второмъ рѣшеніи Сенатъ утверждаетъ, что сообщеніе желѣзной дорогѣ повѣстки о вызовѣ къ суду и коши исковаго прошенія по иску, предьявленному въ ненадлежащемъ судѣ и потому непрерывающему давность, считается равносильнымъ подачѣ письменнаго требованія, прерывающаго, по

137 ст. общ. уст., течение давности. Это положение представляется крайне спорнымъ, но об-сужденіе его потребовало бы гораздо больше мѣста, чѣмъ можетъ быть удѣлено въ суммар-номъ обзорѣ, въ виду чего мы и откладываемъ обсужденіе до другого случая.

Теперь же обратимся къ весьма любопыт-ному рѣшенію (№ 75), въ которомъ Пр. Сенатъ конструируетъ новое юридическое положеніе, неизвѣстное X т. Вопросъ заключался въ томъ, прерываетъ-ли теченіе исковой давности заявленіе, поданное мужемъ въ управленіе доро-ги о выдачѣ ему вознагражденія за увѣче, полученное женой? По ст. 121 общ. уст. рос. жел. дор., можетъ заявить требованіе о воз-награжденіи лицо, которому причиненъ личный или имущественный ущербъ. Слѣдов., разрѣ-шеніе поставленнаго вопроса находится, оче-виднo, въ прямой зависимости отъ того, являет-ся-ли, по нашимъ законамъ, мужъ представи-телемъ жены по ея имущественнымъ отноше-ніямъ въ силу самаго закона? Вмѣсто того, что-бы обратиться къ тѣмъ постановленіямъ X т. (109—117 ст.), которыя регулируютъ имуще-ственные отношенія супруговъ, устанавливая полную раздѣльность имущества и самостоя-тельность супруговъ въ распоряженіи имъ, Пр. Сенатъ избираетъ предметомъ своего толкова-нія 106 ст. („Мужъ обязанъ любить..., защи-щать и доставлять женѣ пропитаніе и содер-жаніе по состоянію и возможности своей“). „И хотя эта статья помѣщена въ отдѣлѣ о лич-ныхъ правахъ, тѣмъ не менѣе она можетъ быть примѣнена“ и къ данному случаю, пото-му что „мужъ, затратившій свои средства на леченіе жены, заинтересованъ въ равной мѣрѣ, какъ и жена въ томъ, чтобы расходы на лече-ніе были возмѣщены дорогой, вызвавшей сво-ими дѣйствіями эти затраты“. Это новое юри-дическое положеніе не развивается болѣе подробно и оставляетъ нерѣшенными много вопросовъ: ограничивается-ли законное пред-ставительство мужа за жену предѣлами дѣй-ствительно произведенныхъ имъ затратъ? Ли-шается-ли онъ вообще этого права, если лече-ніе оплачивалось средствами жены? Распро-страняется-ли это право на всѣхъ лицъ, за-интересованныхъ въ возмѣщеніи расходовъ, напр. на врача, неполучившаго своего гонора-ра, и прерывается-ли давность предъявленіемъ требованія такого лица къ дорогѣ?

Пр. Сенатъ подкрѣпляетъ свой выводъ еще тѣмъ соображеніемъ, что „законодатель не оставилъ подачу заявленія въ правленіе дороги тѣми строгими формальностями, соблю-деніе которыхъ безусловно обязательно при по-дачѣ исковыхъ прошеній“. Дѣйствительно, въ рѣшеніи 1894 г. № 20 кас. департаментъ разъяснилъ, что неозначеніе въ заявленіи, вопреки 122 ст. общ. уст., суммы требуемаго вознагражденія, не лишаетъ заявленія тѣхъ по-слѣдствій, которыя законъ связываетъ съ по-

дачей такового; въ настоящемъ рѣшеніи Се-натъ устанавливаетъ, что потерпѣвшій не ли-шенъ права увеличить исковыя требованія сравнительно съ той суммой, которую онъ требовалъ въ поданномъ имъ заявленіи. Независимо отъ правильности или неправильности этихъ разъясненій, они едва-ли имѣютъ отно-шеніе къ разсматриваемому вопросу, ибо труд-но допустить, чтобы Пр. Сенатъ относилъ къ числу строгихъ формальностей предъявленіе полномочія опредѣленнаго лица на совершеніе за него юридическаго дѣйствія. Что дѣло здѣсь не въ „строгихъ формальностяхъ“, видно хотя бы изъ того, что, какъ указываетъ и Пр. Се-натъ, „правленіе дороги, получивъ заявленіе отъ мужа о вознагражденіи и удовлетворивъ его, очевидно, было бы освобождено отъ обязан-ности платить его женѣ вторичное вознагражде-ніе“. Между тѣмъ, именно въ данномъ случаѣ мужъ требовалъ отъ дороги 3 тысячи р., а жена затѣмъ предъявила искъ въ 6 тысячъ р.; слѣд., если бы дорога, предвидя настоящее рѣшеніе Сената, уплатила мужу 3 тысячи р., то, также очевидно, жена была бы умалена, помимо участія своей воли, въ правахъ своихъ, которыми она по закону можетъ самостоятельно распоряжать-ся. Наконецъ, если бы мужъ не передалъ женѣ полученнаго имъ отъ дороги вознагражде-нія, имѣла-ли бы жена право иска къ желѣз-ной дорогѣ о возмѣщеніи понесеннаго вреда, или же могла бы обвинять мужа въ присвоеніи вѣреннаго имущества, или, въ виду произве-денныхъ мужемъ затратъ на леченіе и содер-жаніе, дѣйствія его слѣдовало бы признать правомѣрными?

Таковы неожиданные результаты устанавли-ваемаго Пр. Сенатомъ новаго вида законна-го представительства. Въ настоящемъ случаѣ, какъ говоритъ рѣшеніе, „въ моментъ подачи мужемъ заявленія въ правленіе дороги о возна-гражденіи, жена его находилась въ такомъ без-помощномъ положеніи, что не могла лично по-дать сего заявленія“. Возможно, поэтому, что постановленія закона о краткосрочной давно-сти тяжело отразились бы на благосостояніи истицы и что отступленіе отъ закона болѣе соответствуетъ обстоятельствамъ даннаго един-ичнаго случая, хотя вообще слѣдуетъ замѣ-тить, что Сенатъ не провѣряетъ существа дѣла и потому его заключенія объ этомъ нельзя при-знать безусловно правильными. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что отступленіемъ сумѣютъ воспользоваться и въ другую сторону, въ цѣляхъ неблагоприятныхъ; отламывая остріе за-кона, чтобы оно не ранило слишкомъ больно въ одномъ случаѣ, нельзя забывать, что мы навсегда лишаемъ себя возможности разить имъ зло и неправду.

Новыя данныя изъ области криминалистики.

(Переводъ съ рукописи).

(Продолженіе).

4. Графическое изображеніе. Такія изображенія иногда встрѣчаются въ актахъ предварительнаго слѣдствія, но, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко. Между тѣмъ, сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ въ видѣ таблицы несомнѣнно окажется полезнымъ, если слѣдователю необходимо установить *движеніе* (переходы) опредѣленнаго лица или предмета. Если, на примѣръ, извѣстное лицо было въ различныхъ мѣстахъ или вступало въ сношенія съ различными людьми, или же тотъ или другой предметъ прошелъ черезъ нѣсколько рукъ, тогда графическія изображенія положительно незамѣнимы не только для тѣхъ, кому приходится изучать дѣло въ дальнѣйшихъ стадіяхъ процесса, но и для самого слѣдователя; имѣя таблицу въ рукахъ, онъ будетъ работать спокойно и увѣренно, такъ какъ можетъ уяснить себѣ дѣло во всѣхъ подробностяхъ.

Но понятно, что въ таблицу слѣдуетъ включать только самые важные факты, иначе она вмѣсто пользы принесетъ одинъ вредъ, такъ какъ частности заслоняютъ общую картину.

Для большей наглядности приведемъ дватри примѣра таблицъ: 16-го/V А. прибылъ въ городъ X.; 18-го/V онъ встрѣтился съ Б.; 20-го/V оба зашли въ гостиницу В.; 21-го/V совершенъ разбой; 22-го/V А. продаетъ ножъ (вещественное доказательство); 24-го/V А. арестованъ; 25-го/V Б. скрывается и т. д.

Переходъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ изъ рукъ въ руки весьма легко можетъ быть прослѣженъ по слѣдующей таблицѣ:

Билетъ № 1 поступилъ въ казначейство отъ булочника, который получилъ его отъ каменщика, а этотъ послѣдній отъ М.

Билетъ № 2 поступилъ къ уряднику отъ лавочника, который получилъ его отъ кузнеца, а этотъ послѣдній отъ М.

Билетъ № 3 поступилъ къ купцу отъ портного, который получилъ его отъ сапожника, а этотъ послѣдній отъ М.

Билетъ № 4 поступилъ въ сберегательную кассу отъ горничной, которая получила его отъ крестьянина, а этотъ послѣдній отъ М.

Въ такой таблицѣ изложено все предварительное слѣдствіе о поддѣльвателѣ или сбытчикѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ М. и установлено съ полной очевидностью, что всѣ 4 билета были пущены имъ въ обращеніе.

5. Симуляція болѣзней. Бывшій Юрьевскій профессоръ д-ръ Р. Кобертъ обратилъ мое вниманіе на искусственное привитіе знахарями и шарлатанами, особенно въ Россіи, разныхъ болѣзней молодымъ людямъ, чтобы облегчить имъ уклоненіе отъ воинской повинности,

какъ напр. страданія сердца, желтуху, паховыя грыжи, нарывы и другія кожныя болѣзни. Такія страданія исключаютъ возможность поступления въ военную службу и освобождаютъ отъ исполненія воинской повинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при тщательномъ уходѣ, поддаются излеченію.

Если подобное искусственное привитіе болѣзней вообще возможно, то оно можетъ встрѣтиться и въ другихъ случаяхъ, на примѣръ, для полученія большаго вознагражденія за увѣче на фабрикѣ, или даже просто для того, чтобы подвергнуть своего кровнаго врага болѣе тяжкому наказанію за нанесенные въ дракѣ побои. Во всякомъ случаѣ, возможность такого образа дѣйствій необходимо имѣть въ виду.

6. Фонизмъ и фотизмъ. Въ послѣднее время стали часто замѣчать, что извѣстныя свѣтотыя ощущенія вытѣсняются звуковыми впечатлѣніями (фонизмъ) и, обратно, что свѣтотыя ощущенія могутъ возникнуть благодаря слуховымъ эффектамъ (фотизмъ). Сущность этого явленія еще не выяснена, но, повидимому, такой обманъ чувствъ встрѣчается очень часто. На примѣръ, много лицъ слышатъ легкой трескъ, если видѣтъ полярный свѣтъ, что несомнѣнно является результатомъ фантазіи. При производствѣ слѣдствія также можетъ случиться, что кто-нибудь будетъ утверждать, что онъ слышалъ шумъ, но ничего не видѣлъ или наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правильная оцѣнка такого показанія можетъ оказать существенное вліяніе на исходъ дѣла.

7. Дефекты памяти (Paramnesie). Такъ называемыя ошибки памяти встрѣчаются повидимому чаще, чѣмъ мы думаемъ. Онѣ состоятъ на томъ, что мы глубоко убѣждены, будто мы видѣли или слышали что-либо, тогда какъ это несомнѣнно не имѣло мѣста; на примѣръ, чело-вѣкъ предполагаетъ, что онъ видѣлъ извѣстную долину, въ которой онъ никогда не бывалъ. По всей вѣроятности, такія paramnesie вызываються физической и психической усталостью. Объясненіе этого явленія надо искать въ томъ, что давно забытая книга, сонъ, картина или разговоръ всплываютъ неожиданно изъ глубины сознанія и, благодаря физической усталости, покрываютъ дѣйствительныя впечатлѣнія (см. романъ Давидъ Копперфильдъ Диккенса, гдѣ этотъ вопросъ разработанъ подробно). Нѣтъ сомнѣнія, что свидѣтель, находящійся подъ вліяніемъ подобной ошибки своей памяти, можетъ ввести слѣдователя въ ужасное заблужденіе, и кто поручится, что такія ошибки не случались уже много разъ.

8. Медленность наблюденій. Я обращаю вниманіе, что при убійствѣ президента Карно *никто* не успѣлъ замѣтить, какъ Казеріо ударилъ его кинжаломъ, хотя въ коляскѣ вмѣстѣ съ Карно сидѣло 3 сановника, на запяткахъ стояло 2 лакея, и коляску сопро-

вождали офицеры верхомъ. Если бы Казерю не закричалъ: „да здравствуетъ анархія“, ему бы, пожалуй, удалось скрыться, потому что лишь нѣсколько секундъ спустя послѣ убійства свита догадалась, что президентъ раненъ... Какъ часто мы допытываемъ свидѣтелей, предполагая что они видѣли извѣстные факты, пока они, наконецъ, не отвѣтятъ утвердительно на наши вопросы, хотя ихъ отвѣтъ безусловно невѣренъ. На самомъ дѣлѣ мы не видимъ событий, которыя наступаютъ очень быстро; уже потомъ мы возстановляемъ картину изъ логической цѣпи фактовъ, и въ концѣ-концовъ проникаемся увѣренностью, что видѣли тѣ факты, о наступленіи коихъ мы только логически заключаемъ. Отсюда выводъ: при такихъ важныхъ допросахъ необходима крайняя осторожность.

D-r Hans Gross.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судебные отчеты.

Искъ объ убыткахъ къ ген.-лейт. фонъ-Валю и другимъ.

Надняхъ С.-Петербургская суд. палата въ особомъ присутствіи, съ участіемъ с.-петербургскаго губернатора гр. Толя и помощника с.-петербургскаго градоначальника И. Н. Турчанинова, слушала дѣло о взысканіи убытковъ съ бывшего с.-петербургскаго градоначальника ф.-Валю, мирового судьи Бороздина и пристава Казанской части Бринкенгофъ.

Дѣло это имѣетъ довольно длинную исторію.

Обстоятельства его заключаются въ слѣдующемъ. Мировой судья Бороздинъ послалъ горничную за папиросами. Купленные ею папиросы оказались безъ мундштуковъ. Горничная отнесла обратно вскрытую пачку и попросила приказчика Иванова переменить папиросы, но тотъ накричалъ на нее и швырнулъ ихъ ей въ лицо. На слѣдующій день Бороздинъ лично отправился въ лавку для объясненій. Къ нему вышелъ мужчина безъ жилета и грубо спросилъ, что ему надо. Г. Бороздинъ прежде всего замѣтилъ, что Иванову не мѣшало бы привести себя въ приличный видъ, и что нельзя выходить полудѣтымъ въ магазинъ, находящійся на такой многолюдной улицѣ, какъ Казанская. Ивановъ отвѣтилъ, что считаетъ себя достаточно прилично одѣтымъ и что вовсе не считаетъ нужнымъ церемониться и исполнять приказы „всякаго“. Бороздинъ, не сказавъ ничего относительно папиросъ, вышелъ изъ лавки и заявилъ постовому городскому для сообщенія по начальству, въ какомъ видѣ выходитъ Ивановъ къ своимъ покупателямъ. Черезъ нѣсколько дней околоточный надзиратель принесъ на квартиру Бороздина протоколъ объ этомъ случаѣ, который онъ нашелъ правильно изложеннымъ, и подписалъ его. По распоряженію г.-л. ф.-Валю, Ивановъ за грубое поведение и появленіе передъ покупателемъ въ неприличномъ видѣ былъ подвергнутъ аресту на семь дней.

Это распоряженіе было обжаловано Ивановымъ въ 1 деп. Пр. Сената, который призналъ дѣйствія г.-л. ф.-Валю неправильными, а о дѣйствіяхъ мир. судьи Бороздина сообщилъ соединенному прис. 1 и угол. касс. д-та Пр. Сената. Соединенное присутствіе нашло, что Бороздинъ дѣйствовалъ въ качествѣ частнаго лица и потому не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за нарушеніе обязанностей службы.

Помимо жалобы на неправильное лишеніе его свободы, Ивановъ предъявилъ къ г. с.-петербург-

скому градоначальнику г.-л. ф.-Валю, мировому судѣ Бороздину и приставу Каз. части Бринкенгофу—по рапорту котораго состоялось распоряженіе г.-л. ф.-Валю объ арестованіи Иванова—искъ объ убыткахъ въ суммѣ 1,600 р., причиненныхъ ему неправильнымъ лишеніемъ его свободы.

Искъ былъ предъявленъ въ соединенное присутствіе 1 и гражданскаго кассационнаго департамента, которое оставило его безъ разсмотрѣнія, въ виду того, что два отвѣтчика (Бороздинъ и Бринкенгофъ) неподсудны этому суду по иску объ убыткахъ, причиненныхъ ихъ неправильными дѣйствіями по службѣ. Тогда Ивановъ обратился съ своимъ искомъ въ особое присутствіе судебной палаты.

Въ обширномъ объясненіи, повѣренный мирового судьи Бороздина, прис. пов. Я. Н. Лихтерманъ, возражаетъ противъ иска и по формальнымъ соображеніямъ, и по существу. Прежде всего, онъ указываетъ, что г.-л. ф.-Валь признанъ былъ, опредѣленіемъ 1-го департамента Правительствующаго Сената, виновнымъ въ противозаконномъ лишеніи Иванова свободы, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1540 ст. улож. о нак. Между тѣмъ, на основаніи 1316—1317 ст. уст. гр. суд., судебной палатѣ, въ особомъ присутствіи, подлежатъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные *неработничемъ, неосмотрительностью или медленностью* должностныхъ лицъ, занимающихъ должности отъ 8-го до 5-го класса включительно. Такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о преступленіи, то искъ объ убыткахъ можетъ быть предъявленъ только въ общемъ порядкѣ. Въ такомъ смыслѣ высказалось и соединенное присутствіе гражд. и 1-го департамента. Но если бы даже признать дѣйствія г.-л. ф.-Валю подходящими подъ 1316—1317 ст. уст. гр. суд., то и тогда Ивановъ заявлялъ искъ свой ненадлежащему суду, такъ какъ г.-л. ф.-Валь подсуденъ гражд. касс. департаменту, а Бороздинъ, какъ лицо судебного вѣдомства, на основаніи 1331—1335 уст. гр. суд., отвѣтствуетъ не передъ судебной палатой, а передъ окружнымъ судомъ. Указавъ далѣе на пропускъ исковой давности, прис. пов. Лихтерманъ указываетъ на неправильное требованіе Ивановымъ круговой другъ за друга поруки отвѣтчиковъ. На основаніи 648 ст. X т. ч. 1, для солидарной отвѣтственности совокупно съ г.-л. ф.-Валемъ Бороздинъ долженъ быть признанъ учинившимъ съ нимъ преступленіе по предварительному ихъ на то согласію. Между тѣмъ, изъ опредѣленія соединеннаго присутствія видно, что Бороздинъ не только не признанъ виновнымъ въ соучастіи по предварительному съ г.-л. ф.-Валемъ соглашенію въ противозаконномъ лишеніи Иванова свободы, но и въ какомъ бы то ни было неправильномъ въ отношеніи Иванова дѣйствіи. Изложивъ дѣйствительный ходъ происшествія, прис. пов. Лихтерманъ указываетъ, что довѣритель его съ болью въ сердцѣ узналъ, что Ивановъ, по возбужденному имъ заявленію, безъ суда и слѣдствія, лишенъ былъ свободы и не можетъ себя нравственно считать въ какой-бы то ни было мѣрѣ отвѣтственнымъ за это незаконнѣрное распоряженіе.

Дальнѣйшія возраженія г. Лихтермана сводятся къ тому, что истецъ отыскиваетъ съ Бороздина убытки какъ съ мирового судьи, а между тѣмъ Бороздинъ дѣйствовалъ здѣсь какъ частное лицо, что установлено и соединеннымъ присутствіемъ. Затѣмъ, развѣ рѣчь идетъ объ убыткахъ, причиненныхъ неправильными и пристрастными дѣйствіями судьи, то должно испросить предварительно разрѣшенія судебной палаты или Сената,—въ зависимости отъ должности лица судебного вѣдомства,—на предьявленіе такого иска, чего опять-таки не исполнилъ Ивановъ. Наконецъ, онъ совершенно не доказалъ своихъ убытковъ и цифра въ 1,600 руб. совершенно голословна. Развѣ была какая-либо надобность Иванову закрывать, по случаю своего ареста, свою торговлю на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ самъ

не торговать, и затѣмъ почему-то переводить въ другое мѣсто. Между переводомъ торговли въ другое мѣсто и арестомъ никакой причинной связи нѣтъ. Затѣмъ, кредитъ въ торговлѣ, дѣйствительно, великая вещь, но Ивановъ не доказалъ, что онъ послѣ ареста почему-то этого кредита лишился, да и вообще пользовался имъ когда-либо по своей торговлѣ.

Особое присутствіе, выслушавъ объясненія повѣренныхъ: фонъ-Валя—пом. прис. пов. Новаковского и Бороздина—прис. пов. Лихтермана, опредѣлило: настоящее дѣло, за неподсудностью, къ своему производству не принимать.

Докторскій диспутъ г. Туганъ-Барановскаго въ Московскомъ университетѣ.

(отъ нашего корреспондента).

19 декабря приватъ-доцентъ Петербургскаго университета М. И. Туганъ-Барановскій защищалъ свою докторскую диссертацию: „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“.

Во вступительной рѣчи докторантъ указалъ, что на смѣну общественнымъ теоріямъ, господствовавшимъ въ 60—80 годахъ появилась новая экономическая доктрина, начинающая постепенно вытѣснять другія. Такъ какъ эта доктрина пришла къ намъ съ запада и выведена изъ наблюденія надъ западноевропейской жизнью, то примѣнимость ея къ русской дѣйствительности многими оспаривалась. Между тѣмъ аналогичные хозяйственные процессы издавна имѣли мѣсто и въ русской экономической жизни. Они ясно обозначились къ концу московскаго періода, а въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія не только въ ихъ полномъ развитіи, но и въ тщетности всѣхъ попытокъ сообщить другое направленіе ихъ дальнѣйшей эволюціи. Задача изслѣдованія и заключается въ томъ, чтобы доказать полное развитіе капиталистическаго производства въ настоящее время и возстановить историческую перспективу его развитія въ прошломъ.

Содержаніе своего сочиненія докторантъ резюмировалъ въ 11 тезисахъ.

Официальными оппонентами выступили проф. А. И. Чупровъ и Н. А. Каблуковъ.

Первый изъ нихъ отмѣтилъ, что въ нашей литературѣ почти нѣтъ изслѣдованій по исторіи фабрики; поэтому весьма понятенъ интересъ, съ которымъ встрѣчена работа г. Туганъ-Барановскаго. Интересъ ея еще тѣмъ болѣе увеличивается, что докторанту удалось воспользоваться такимъ богатымъ рукописнымъ матеріаломъ въ архивѣ министерства финансовъ, какого не было въ распоряженіи ни у одного изслѣдователя древней промышленности, благодаря чему въ изслѣдованіи приводятся новые факты, новые выводы. Кромѣ того, эти факты систематизированы и продуманы при свѣтѣ одной опредѣленной теоріи, отчего работа отличается большой стройностью, а общедоступность изложенія весьма облегчаетъ усвоеніе главныхъ положеній автора. Но эта стройность и простота достигаются цѣною цѣлаго ряда послѣднихъ широкихъ обобщеній, съ одной стороны, и упущеній или, такъ сказать, упрощенія дѣйствительности — съ другой. Диспутантъ отрицаетъ установившійся взглядъ на искусственность мѣръ, принятыхъ Петромъ къ насажденію фабричной промышленности, считаетъ петровскую фабрику результатомъ естественной экономической эволюціи и утверждаетъ, что уже тогда совершилась концентрація торговаго капитала, послужившаго базисомъ крупнаго производства въ эпоху Петра. Эти утверждения основаны на свидѣтельствѣ Шторха и другихъ иностранцевъ, наблюдавшихъ будто бы въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ многочисленный классъ торговцевъ-посред-

никовъ. Но такіе посредники были всегда; поэтому, съ одинаковымъ основаніемъ можно утверждать наличность такого торговаго капитализма не только въ московской, но и въ кievской Руси, и еще раньше. Отсутствие большаго капитала въ ту эпоху лучше всего доказывается правительственными субсидіями, о которыхъ говоритъ въ своей книгѣ самъ диспутантъ. Не было и другихъ необходимыхъ элементовъ естественнаго развитія фабрикъ, а именно: рынка для сбыта и рабочихъ. Рынокъ былъ созданъ не только искусственно, путемъ правительственныхъ заказовъ, но и насильственно, путемъ закрытія доступа иностраннымъ товарамъ. Фабрика обязана своимъ возникновеніемъ и существованіемъ лишь безпримѣрной энергіи Петра. Послѣ его смерти мелкое производство опять увеличилось.

На это диспутантъ отвѣтилъ, что оживленіе мелкаго производства обязано именно петровской фабрикѣ, которая вызвала и создала спросъ на новыя издѣлія. Вопросу объ естественномъ или искусственномъ возникновеніи фабрики онъ не придаетъ особой важности, считая его скорѣе споромъ о словахъ, и готовъ отказаться отъ своего взгляда. А. И. Чупровъ возразилъ, что поднимая этотъ споръ самъ диспутантъ, когда съ первыхъ же страницъ своей работы возсталъ противъ общепринятаго мнѣнія. Кромѣ того, оппонентъ не можетъ согласиться съ намѣченной схемой развитія нашего мелкаго производства, по которой фабрика предшествуетъ и вызываетъ кустарный промыселъ, и привелъ въ доказательство нѣсколько примѣровъ обратнаго развитія. Диспутантъ согласился, что бывають отступленія отъ этого правила. Указавъ еще на весьма существенную неправильность статистическихъ приемовъ при опредѣленіи колебаній заработной платы въ разные періоды, А. И. Чупровъ замѣтилъ, что, несмотря на всѣ эти недостатки, работа г. Туганъ-Барановскаго можетъ считаться цѣннымъ приобритеніемъ въ небогатой литературѣ по исторіи нашей промышленности.

Проф. Н. А. Каблуковъ началъ свою рѣчь съ замѣчанія, что изслѣдованіе г. Туганъ-Барановскаго, въ виду появленія въ немъ впервые новыхъ цифръ и выводовъ, должно встрѣтить самое строгое критическое отношеніе со стороны тѣхъ приемовъ, какими эти цифры и выводы получены, особенно потому, что самъ г. Туганъ-Барановскій такого критическаго отношенія во многихъ случаяхъ не обнаруживаетъ. Такъ, напр., онъ принимаетъ на вѣру и не даетъ никакого объясненія поразительному повышенію заработной платы на Фряновской фабрикѣ съ 1802—20 г., достигшему будто бы для нѣкоторыхъ рабочихъ 400%, между тѣмъ эти свѣдѣнія извлечены изъ рукописнаго матеріала. Во многихъ утверженіяхъ диспутанта замѣчается отсутствіе всякой мотивировки. Такъ законъ 2 іюня 1897 г. диспутантъ считаетъ результатомъ классовой борьбы, но не приводитъ сколько-нибудь убѣдительныхъ аргументовъ; между тѣмъ извѣстно, что правительство, принимая нормировку рабочаго времени, имѣло въ виду противодѣйствовать физическому вырожденію населенія въ фабричныхъ районахъ, гдѣ при приемѣ новобранцевъ приходилось понижать минимальныя требованія при опредѣленіи физической годности къ военной службѣ. Переходя къ кардинальному вопросу изслѣдованія о числѣ рабочихъ въ обрабатывающей промышленности,—вопросу, въ которомъ диспутантъ рѣзко расходится съ расчетами Николая—она, проф. Карышева, принятыми раньше и оппонентомъ, Н. А. Каблуковъ заявилъ, что онъ недоумѣваетъ, въ сущности, никакимъ цифрамъ нашей промышленной статистики. Официальныя изданія, раздѣленные годичнымъ промежуткомъ, разнятся между собою въ опредѣленіи числа фабрикъ и заводовъ на 18,000 и числа рабочихъ приблизительно на 1/2 милліона. Между тѣмъ г. Туганъ-Барановскій пытается точно установить число рабочихъ не только для настоящаго времени,

но и погодно за длинный промежуток, начиная съ 65 года. Опорочивая цифры военно-статистического сборника, диспутантъ приводит другія, полученные имъ изъ министерства финансовъ, а гдѣ не хватаетъ этихъ цифръ, создаетъ свои, путемъ собственныхъ вычисленій. Онъ беретъ двѣ имѣющіяся крайнія цифры; разность ихъ даетъ приростъ рабочихъ, который и разносится по годамъ, въ томъ расчетъ, что число рабочихъ возрастало совершенно равномерно. Между тѣмъ это предположеніе неправильно, такъ какъ изъ имѣющихся по нѣкоторымъ производствамъ цифръ рабочихъ за всѣ годы видно, что число ихъ подвергалось колебаніямъ въ ту и другую сторону. Въ такой же мѣрѣ, слѣдов., произвольна и діаграмма, основанная на этихъ цифрахъ и пытающаяся доказать, что обрабатывающая промышленность въ очень малой мѣрѣ зависитъ отъ урожая, а гораздо больше отъ мірового рынка, показателемъ котораго можетъ служить кривая англійскаго экспорта. Но и вообще діаграмма очень мало доказываетъ. Можно было бы составить, напр., диаграмму, доказывающую зависимость числа браковъ отъ развитія желѣзнодорожной сѣти. Затѣмъ Н. А. Кабуковъ отмѣтилъ, что г. Туганъ-Барановскій приписываетъ своимъ противникамъ мысли, которыхъ они никогда не высказывали. Никто, напр., не говорилъ, что крупная промышленность начинается „отмирать“, и если докторанту понадобилось такъ передать положенія своихъ противниковъ, то, очевидно, только потому, что въ такой передачѣ ихъ легче всего опровергнуть. На самомъ дѣлѣ рѣчь шла не объ отмираніи капитализма, а объ одной основной тенденціи капиталистическаго развитія, указанной К. Марксомъ и Робсономъ и состоящей въ томъ, что по мѣрѣ расширенія размѣровъ производства и прогресса техники уменьшается относительное число рабочихъ. Въ извѣстной мѣрѣ это подтверждается и цифрами, добытыми самимъ диспутантомъ. Такъ, изъ его же цифръ выходитъ, что за послѣднее десятилѣтіе число рабочихъ увеличилось на 23%, а за предыдущее—на 38%.

Въ отвѣтномъ словѣ г. Туганъ-Барановскій замѣтилъ, что діаграммой онъ ничего не хотѣлъ доказать, а лишь иллюстрировать свою мысль. Что касается тенденціи капитализма привлекать все меньшій и меньшій процентъ сравнительно съ приростомъ населенія, то въ такой формѣ Марксъ объ этомъ не говорилъ, и до сихъ поръ этого не замѣчалось ни въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ ни въ Германіи; нѣчто похожее происходитъ лишь въ Англій. Диспутантъ согласенъ, что нѣкоторыя его утвержденія недостаточно обоснованы, но это произошло по независимости отъ него причинамъ; его книга выйдетъ на нѣмецкомъ языкѣ съ болѣе полной аргументаціей.

Указавъ еще на нѣкоторые малообоснованные и иногда противорѣчивые выводы диспутанта, а также на нѣкоторое искаженіе мыслей своихъ противниковъ (напр., Н. К. Михайловскаго), проф. Кабуковъ далъ слѣдующее общее заключеніе о трудѣ г. Туганъ-Барановскаго: вслѣдствіе произвольнаго обращенія автора съ цифрами, книга его, при всемъ своемъ интересѣ, не облегчитъ работы будущимъ исследователямъ трактуемаго въ ней вопроса, такъ какъ не устранитъ необходимости обращаться къ первоисточникамъ. Вслѣдствіе того, что въ основу книги положена предвзятая мысль о полномъ паралелизмѣ нашего экономическаго развитія съ западно-европейскимъ, результатомъ чего было обращеніе исключительнаго вниманія лишь на пункты сходства, пункты же различія остались совершенно невьясненными,—работа г. Туганъ-Барановскаго потеряла не только въ научномъ отношеніи, но еще болѣе въ практическомъ, такъ какъ не даетъ никакихъ указаній, какъ можетъ пойти дальѣйшая эволюція нашего капитализма, имѣя въ виду нашу, несомнѣнно отличную отъ западно-европейской кон-

кретную историческую обстановку, а за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ отсылаетъ къ готовому шаблону въ Англій.

Слова эти были покрыты аплодисментами.

Оппонентами изъ публики выступили г.г. Штанге, Доброхотовъ и П. Б. Струве. Впрочемъ, возраженія послѣдняго были направлены болѣе по адресу предыдущихъ оппонентовъ, чѣмъ диспутанта.

На основаніи постановленія факультета, М. И. Туганъ-Барановскій былъ объявленъ при рукописаніяхъ публики докторомъ политической экономіи.

Хроника.

Въ Государственный Совѣтъ внесено, какъ мы слышали, представленіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ **объ измѣненіи Высочайше утвержденныхъ 8 іюня 1893 г. правилъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами.** Побудительною причиною послужило то обстоятельство, что до сихъ поръ означенныя правила оставались почти что мертвою буквою. Ни въ одной изъ губерній не только не установлены оцѣнки недвижимаго имущества, но не выработано даже общихъ оцѣночныхъ нормъ для опредѣленія доходности каждаго отдѣльнаго предмета обложенія. Между тѣмъ надлежащія оцѣнки недвижимыхъ имуществъ имѣютъ крайне важное значеніе для всей нашей податной системы. Справедливость требуетъ, однако, признать, что малоуспѣшное примѣненіе правилъ 1893 года зависитъ не исключительно отъ земскихъ учреждений; многія неблагоприятныя условія, которыя при проектированіи этихъ правилъ не имѣлись въ виду, затормозили производство оцѣнокъ помимо воли нашихъ земскихъ дѣятелей; сюда относится, между прочимъ, то обстоятельство, что стоимость оцѣночныхъ работъ значительно превзошла первоначальныя ожиданія и превысила имѣющіяся у земствъ средства.

Въ настоящее время предположено: а) нѣсколько видоизмѣнить составъ губернскихъ оцѣночныхъ комиссій, въ томъ смыслѣ, что предѣлательство возлагается на губернатора (вмѣсто предводителя дворянства), а въ число членовъ включены вице-губернаторъ и, кромѣ предѣлателя губ. земск. управы, также и члены оной; отъ участія въ комиссіи освобожденъ за то управляющій акцизными сборами; б) освободить уѣзд. земск. управы отъ собиранія и разработки данныхъ, необходимыхъ для установленія оцѣночныхъ нормъ, возложивъ эту обязанность на губернскія земскія управы, при которыхъ имѣются болѣе приспособленныя для этой цѣли статистическія бюро; в) къ обязанностямъ уѣздной управы отнести: веденіе поземельныхъ книгъ и описей, производство оцѣнокъ отдѣльныхъ недвижимыхъ имуществъ, согласно утвержденнымъ въ установленномъ порядкѣ общимъ основаніямъ оцѣнки, и веденіе дѣлопроизводства уѣздной оцѣночной комиссіи, и г) отпустить земскимъ учреждениямъ на настоящій предметъ ежегодное пособіе въ размѣрѣ 1 милліона рублей.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о дѣятельности комиссіи по составленію проекта гр. уложенія (см. хроникѣ № 4) мы можемъ сообщить, что комиссія въ за-

сѣданіи 23 декабря окончила первое чтеніе обязательственнаго права и что проектъ отдѣльнаго закона объ авторскомъ правѣ представленъ въ Гос. Совѣтъ.

Въ Государственный Совѣтъ внесенъ проектъ **измѣненія прим. къ ст. 1179 уст. уг. суд.**, причемъ послѣднюю часть этого примѣчанія предполагается изложить слѣдующимъ образомъ: „слѣдственные дѣла по нарушеніямъ устава таможеннаго отсылаются въ тѣ учрежденія вѣдомства министерства финансовъ, которыя будутъ указаны министромъ юстиціи, на основаніи состоявшагося съ министромъ финансовъ соглашенія, въ опубликованномъ установленномъ порядкомъ распоряженіи“.

Согласно дѣйствующему закону, составленному въ то время, когда не существовало самостоятельнаго С.-Петербургскаго таможеннаго округа, слѣдственные дѣла, возникающія въ петербургскомъ таможенномъ районѣ, должны направляться въ деп. таможенныхъ сборовъ. Нынѣ, съ возстановленіемъ 21 мая 1872 года С.-Петербургскаго таможеннаго округа, этотъ порядокъ приводитъ къ существеннымъ неудобствамъ: съ одной стороны, начальникъ таможеннаго С.-Петербургскаго округа лишенъ возможности имѣть надзоръ за направленіемъ и окончаніемъ возбужденныхъ въ предѣлахъ округа дѣлъ, а съ другой стороны, департаментъ поставленъ въ невозможность слѣдить за ходомъ предварительныхъ слѣдствій по указаннымъ дѣламъ и за приведеніемъ въ исполненіе окончательныхъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ, въ которыхъ департаментъ являлся органомъ, охраняющимъ интересы казны.

Въ законодательномъ порядкѣ возбужденъ вопросъ объ **измѣненіи ст. 90 устава о земскихъ повинностяхъ**, касающейся распределенія между казною и земствомъ суммъ, поступающихъ въ уплату окладныхъ сборовъ. На основаніи дѣйствующей редакціи этой статьи, если плательщикъ не сдѣлаетъ заявленія, въ какой именно сборъ вносить онъ принесенныя деньги, и если сихъ денегъ не будетъ достаточно для покрытія недоимокъ и текущаго оклада по всѣмъ податямъ и сборамъ, слѣдующимъ по окладному листу съ тѣхъ лицъ или съ того общества, за которыя вносятся деньги, то казначей прежде всего отчисляетъ изъ вносимой суммы 12% на пополненіе мѣстныхъ земскихъ сборовъ; остальная сумма распределяется по правиламъ устава о прямыхъ налогахъ. На практикѣ, однако, статья 90 оказалась мало обезпечивающей исправное поступленіе земскихъ сборовъ, такъ какъ плательщики, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ предпочтительнаго платежа въ тотъ или другой сборъ, стремятся почти повсемѣстно выполнить прежде всего свои обязательства передъ казною. Земскія же повинности стоятъ на второмъ планѣ.

Согласно проектированнымъ правиламъ, право плательщиковъ указывать назначеніе дѣлаемыхъ ими взносовъ отмѣняется, и распределеніе этихъ взносовъ между казною, земствомъ и городомъ производится ех officio мѣстными казначействами, пропорціонально величинѣ окладовъ отдѣльныхъ сборовъ.

4 и 5 января въ зданіи министерства юстиціи состоится второй **сѣздъ русской группы междунаrodnаго сѣзда криминалистовъ**. Въ первый день сѣзда будутъ прочитаны доклады проф. А. А. Пюнтковскимъ о существѣ и цѣлесообразности института условнаго осужденія и председателемъ курск. юрид. общества И. М. Тютрюмовымъ о желательной и возможной постановкѣ института условнаго осужденія въ нашемъ отечествѣ. 5 января будетъ происходить обсужденіе вопроса объ условномъ осужденіи по означеннымъ докладамъ.

Проектируется усилить штатъ **кассационныхъ департаментовъ** Правительствующаго Сената. По этому поводу г. министръ юстиціи уже вошелъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ.

Назначенный сенаторомъ гражд. кассац. департамента бывший оберъ-прокуроръ онаго, Александръ Львовичъ Боровиковскій принадлежитъ къ числу нашихъ наиболѣе извѣстныхъ юристовъ. Теоретикъ и практикъ, онъ соединилъ въ себѣ аналитическія способности судьи съ синтетическими отвлеченнаго мыслителя. Какъ практикъ, онъ много потрудился, сначала въ должности члена Одесской Судебной Палаты, а затѣмъ оберъ-прокурора гражд. касс. департамента, надъ разработкой и выясненіемъ институтовъ гражданскаго, матеріальнаго и процессуальнаго, права. Его комментаріи къ X т. и къ судебнымъ уставамъ, впервые познакомившіе юридическую публику съ сенатскимъ толкованіемъ законовъ, много способствовали единообразному ихъ примѣненію, а значить и опредѣленности и прочности гражданскаго правопорядка. Какъ теоретикъ, онъ обогатилъ русскую юридическую литературу своимъ трехтомнымъ „Отчетомъ судьи“,—собраніемъ монографій по различнымъ вопросамъ гражданскаго права. Нѣкоторыя изъ этихъ монографій,—напр. о третыхъ лицахъ въ гражд. процессѣ—навсегда останутся образцами строго-логической, конструктивной работы юридической мысли. Читая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гражданской процессъ въ Новороссійскомъ Университетѣ, А. Л. умѣлъ увлечь и заинтересовать предметомъ своихъ слушателей, сообщить своему преподаванію ту ясность мысли и совершенство формы, тотъ глубокий и серьезный „этический пафосъ“, исканіе истины и любовь къ ней, которыми, вообще, запечатлѣна вся его дѣятельность, какъ ученаго и судьи.

Желаемъ ему еще много лѣтъ плодотворнаго и многосторонняго труда.

Именнымъ указомъ Пр. Сенату отъ 23 декабря **исполненіе обязанностей оберъ-прокурора гр. касс. департамента возложено на присутствующаго въ томъ же департаментѣ сенатора Н. Н. Мясоѣдова**. Это назначеніе будетъ привѣтствуемо всѣми, кому дорога судьба русскаго правосудія. Свѣтлый умъ, обширныя юридическія познанія, долготѣлнй судейскій опытъ и изумительное, неутомимое трудолюбіе давно уже доставили Николаю Николаевичу Мясоѣдову репутацію одного изъ наиболѣе видныхъ русскихъ юристовъ-практиковъ. Лица, слѣдящія за содержаніемъ сборни-

ковъ кассационныхъ рѣшеній, несомнѣнно обратили вниманіе на то, что за послѣдніе годы по докладу Н. Н. Мясоѣдова разрѣшались весьма многія изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ дѣлъ, восходившихъ на разсмотрѣніе Сената. Рѣшенія по этимъ дѣламъ свидѣлствуютъ о томъ, что Н. Н. въ рѣдкой степени обладаетъ способностью изъ всѣхъ возбуждаемыхъ сложными дѣлами юридическихъ вопросовъ выдѣлять наиболѣе важныя, требующіе руководящихъ разъясненій Сената. Эта способность служить лишнею гарантіею того, что дѣятельность Н. Н. Мясоѣдова въ качествѣ оберъ-прокурора гр. касс. департамента будетъ столь же плодотворна, какъ и предшествующая долготлѣтная его дѣятельность въ качествѣ судьи.

По дѣламъ, рассмотрѣннымъ въ послѣднемъ засѣданіи (21 декабря), общее собраніе 1-го и кассационнаго департаментовъ Пр. Сената разъяснило, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) **участіе лицъ прокурорскаго надзора** въ рассмотрѣніи уѣздными съѣздами представляемыхъ земскими начальниками въ порядкѣ ст. 31 временныхъ правилъ о вол. суд. рѣшеній волостныхъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ требуется лишь въ случаяхъ, означенныхъ въ ст. 123 прав. объ устр. суд. части въ мѣстн., гдѣ введено полож. о земск. началн.; 2) **депутатъ дворянскаго собранія** можетъ быть въ то же время частнымъ повѣреннымъ; 3) (съ участіемъ 2-го департамента) **крестьянскія надѣльныя земли**, отчуждаемая понудительнымъ порядкомъ для государственной или общественной надобности, не подлежатъ дѣйствію ст. 1 отд. 1 Высочайше утвержденнаго 14 декабря 1893 года мѣнія Государственнаго Совѣта (собр. узак. 1894 г. № 15 ст. 94); 4) **волостные суды Прибалтійскихъ губ.** вправѣ разрѣшать, по ходатайствамъ опекуновъ, выдачу изъ Государственныхъ сберегательныхъ кассъ выкладовъ, принадлежащихъ крестьянамъ, не испрашивая на то разрѣшенія съѣзда мировыхъ судей.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ наблюдаются частые **переходы крестьянъ въ мѣщанское сословіе** безъ перемѣны мѣста жительства. Такой переходъ, вызываясь желаніемъ освободиться изъ-подъ власти волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, волостного суда и отбыванія мірскихъ повинностей, вредно отражается, по отзывамъ мѣстныхъ властей, на благосостояніи остальныхъ жителей селенія и волости, такъ какъ денежныя повинности остаются на уменьшающемся населеніи, а перешедшіе въ мѣщанство, освободившись отъ всякаго надзора за ними сельской и волостной власти, подрываютъ авторитетъ должностныхъ лицъ по отношенію къ остальнымъ жителямъ селенія и, кромѣ того, не неся повинностей, продолжаютъ пользоваться надѣльной землей. Въ виду этого, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ о воспрещеніи перехода крестьянамъ въ купеческое и мѣщанское сословіе безъ перемѣны ими мѣста жительства и съ сохраненіемъ за собой надѣльной земли.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время разрабатывается **вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ** въ Западномъ краѣ. Въ виду огромной

важности и интереса, который этотъ наболѣвшій и крайне сложный и запутанный вопросъ имѣетъ для мѣстныхъ землевладѣльцевъ, минское общество сельскихъ хозяевъ возбуждаетъ ходатайство о допущеніи представителей отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ присутствіи, которымъ будетъ поручено высказаться по этому вопросу съ тѣмъ, чтобы представить свои мотивированные взгляды и заключенія.

Одинъ изъ земскихъ начальниковъ Бердянскаго уѣзда, въ повѣсткѣ **объ апелляціи**, посланной истцу крестьянину, напечатанныя слова „Вамъ“ и „Вашему“ зачеркнулъ чернилами и, избѣгая замѣны ихъ мѣстоимѣніями „тебѣ“ и „твоему“, вписалъ соотвѣтственный текстъ въ третьемъ лицѣ. Получившій эту повѣстку, крестьянинъ, считая такое дѣйствіе земскаго начальника, обиднымъ для себя, обратился съ жалобою въ губернское присутствіе, прося возбудить противъ земскаго начальника преслѣдованіе за оскорбленіе его, обиженнаго на письмѣ по должности. Губернское присутствіе не усмотрѣло, однако, въ обстоятельстве этомъ ничего оскорбительнаго и оставило жалобу безъ послѣдствій (Крым. Лист.).

Особымъ циркуляромъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края губернаторамъ указаны **пробѣлы въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ**, между которыми особаго вниманія заслуживаетъ отношеніе мировыхъ посредниковъ къ мѣстнымъ волостнымъ судамъ. По словамъ циркуляра, мировые посредники смотрятъ на существующіе волостные суды, какъ на учрежденія несовершенно и поэтому не находятъ дѣлесообразнымъ принимать какія-либо мѣры къ улучшенію веденія дѣла путемъ неуклоннаго, систематическаго наблюденія и разъясненія способовъ и порядка веденія дѣлъ. Между тѣмъ, именно въ этой области необходимо умѣлое, тактичное и осторожное руководство, и только при такихъ условіяхъ возможно устранить подкупы волостныхъ судей, медленность въ дѣлопроизводствѣ, зависящую отъ неаккуратнаго назначенія засѣданій волостныхъ судовъ и несоблюденія очереди при назначеніи дѣлъ къ слушанію. Вслѣдствіе отсутствія систематическаго наблюденія, въ результатѣ обнаруженъ, напр., такой случай, что въ одной волости первое въ году засѣданіе волостнаго суда было назначено лишь 6-го іюля, а всѣхъ засѣданій въ теченіе цѣлаго года было только пять (вопреки ст. 94 общ. пол. о кр.).

Сельскимъ старшинамъ не разъясненъ способъ врученія повѣстокъ лицамъ, вызываемымъ къ суду. Не упорядоченъ способъ передачи денегъ истцу, взысканныхъ старостами съ отвѣтника. Далѣе, въ нѣкоторыхъ мировыхъ участкахъ посредники совершенно не наблюдаютъ за своевременнымъ приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ, а также и постановленій должностныхъ лицъ, что обязательно должно устранять, такъ какъ иначе дискредитируется въ глазахъ крестьянъ понятіе о законной власти.

Херсонское губернское земство, по словамъ „Придн. Края“, рѣшило возбудить **ходатайства объ уничтоженіи нормировки** на сахаръ и уменьшеніи пошлинъ на ввозимый изъ-за границы сахаръ до нормы акциза,

взимаемаго съ сахара мѣстнаго производства, и объ **уменьшеніи пошлины на чай**, хотя-бы на низшіе сорта его.

На бывшія, въ послѣднее время, ходатайства Олонечкаго, Пермскаго и другихъ земствъ **о предоставленіи правъ предсѣдателямъ уѣздныхъ сѣздовъ** входить въ качествѣ предсѣдателей въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разъяснено, что предсѣдатели уѣздныхъ сѣздовъ не могутъ быть поставлены въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ на мѣсто уѣздныхъ предводителей въ виду того, что этимъ послѣднимъ предоставлены права по управленію начальными училищами какъ представителямъ мѣстнаго дворянства, которое призвано Высочайшимъ рескриптомъ 25 декабря 1873 г. стать на стражѣ народнои школы и помогать правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ, ограждая школы отъ нагубныхъ вліяній. Предсѣдатель же уѣзднаго сѣзда земскихъ начальниковъ стоитъ внѣ указанныхъ условий, и положеніе его существенно отличается отъ положенія предводителя дворянства уже по одному тому, что предсѣдатель сѣзда можетъ не принадлежать къ дворянскому сословію. Такимъ образомъ, предсѣдателями уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ могутъ быть только или выборные представители дворянскаго сословія, или, за ихъ отсутствіемъ, органы министерствъ народ. просвѣщенія. Предоставленіе правъ предсѣдательства въ означенныхъ совѣтахъ предсѣдателямъ уѣздныхъ сѣздовъ, назначаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, было бы, по мнѣнію мин. народн. просвѣщ., съ одной стороны, распространеніемъ на обыкновенныхъ чиновниковъ такихъ правъ, которые принадлежатъ только представителямъ дворянства, съ другой—лишеніемъ этихъ правъ чиновъ министерства народн. просвѣщ., въ вѣдѣніи котораго состоятъ уѣздные совѣты.

Въ послѣднее время земствомъ былъ предпринятъ рядъ **мѣръ къ искорененію конокрадства**, но всѣ эти мѣры, къ сожалѣнію, не привели къ желаемымъ результатамъ. Между этими мѣрами, на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить ходатайство земствъ (С.-Петербургскаго, Костромскаго, Курскаго, Смоленскаго, Екатеринославскаго, Тверскаго) объ увеличеніи наказанія за конокрадство и ссылкѣ въ Сибирь, за счетъ казны, виновныхъ въ первой и второй кражѣ лошадей. Далѣе—принятіе земствомъ (Смоленское, Курское, Тверское, уѣздныя—Самарское и Богурусланское) на свой счетъ расходовъ по ссылкѣ конокрадовъ въ Сибирь на поселеніе, по приговорамъ общества, причемъ одно изъ земствъ (Вугульминское) выдаетъ даже пособіе полиціи для облегченія ей возможности преслѣдовать конокрадовъ. Черниговское земство возбудило ходатайство о томъ, чтобы продаваемая лошадь имѣла свидѣтельство, удостоверяющее ихъ принадлежность продавцу; Калужское же, высказало убѣжденіе, что зло можетъ быть уменьшено лишь преобразованіемъ судебныхъ и полицейскихъ учреждений.

Пермскимъ уѣзднымъ земствомъ возбуждено **ходатайство о дарованіи сельскимъ жителямъ (крестья-**

намъ) при покупкѣ земель по частнымъ сдѣлкамъ тѣхъ же льготъ, какими они пользуются при покупкѣ земель чрезъ посредство крестьянскаго земельного банка. Льготы эти, какъ извѣстно, заключаются въ освобожденіи крѣпостныхъ актовъ отъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, съ замѣною ихъ простымъ гербовымъ сборомъ, и въ освобожденіи переписки отъ гербоваго сбора.

Послѣднимъ тверскимъ сѣздомъ губернскихъ врачей признано желательнымъ, чтобы **расположеніе построекъ** въ селеніяхъ было производимо не только по планамъ вообще, а по планамъ, составленнымъ при участіи мѣстныхъ участковыхъ врачей.

Костромское губернское земское собраніе почти единогласно постановило ходатайствовать въ подлежащихъ сферахъ о разрѣшеніи учреждать при земскихъ управахъ **консультаци для юридической помощи населенію** (Сѣв. Кр.).

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Гражданское отдѣленіе.

Въ засѣданіи 21-го декабря были выслушаны два доклада на общую тему: „о литературныхъ конвенціяхъ съ Франціей“. Докладчики подѣлили свою работу такимъ образомъ, что первый, В. Н. Бобровъ, изложилъ исторію вопроса, а второй, А. И. Лыкошинъ, остановился специально на разсмотрѣніи современнаго положенія дѣла.

Въ частности, г. Бобровъ, на основаніи соответствующихъ „дѣлъ“ министерства иностранныхъ дѣлъ, изложилъ, какъ возникла и что защищала русско-французская конвенція 1861 года. Затѣмъ, въ центральной части своего доклада, онъ подробно разсмотрѣлъ тѣ факты, на основаніи которыхъ обыкновенно утверждаютъ, что эта конвенція была невыгодна для Россіи. Главнымъ образомъ, онъ остановился при этомъ на доводѣ о несуществованіи взаимности, указывая—съ одной стороны—на то, что въ 1861 г. институтъ авторскаго права только еще возникалъ въ Россіи, а во Франціи имѣлъ уже длинную исторію, и съ другой стороны, на то, что, благодаря различію уголовныхъ санкцій, русскіе подвергались за перепечатку французскихъ сочиненій много болѣе тяжелымъ наказаніямъ, чѣмъ въ соответственныхъ случаяхъ—французы.

Второй докладчикъ, А. И. Лыкошинъ, прочелъ чрезвычайно длинный докладъ, распавшійся на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, г. Лыкошинъ сообщилъ свѣдѣнія о томъ, какъ мотивированы были доклады, представленные въ разное время заинтересованными русскими вѣдомствами—по вопросу о заключеніи литературныхъ конвенцій. Во второй части докладчикъ изложилъ собственные свои соображенія относительно того вреда, который принесло бы Россіи подписаніе конвенцій. Авторское право есть институтъ молодой, не сформировавшейся и не укоренившейся въ народной совѣсти;—поэтому законодатели вольны регулировать отдѣльныя части этого института такъ, какъ это имъ будетъ удобнѣе, т. е. напримѣръ, отказывая авторамъ въ пра-

въ исключительнаго перевода. Такой отказъ не представлялъ бы ничего несправедливаго. Свобода переводовъ обезпечиваетъ Россіи возможность необходимыхъ для нея, въ виду отсталости нашей культуры, заимствованій у западной Европы. Ограниченіе свободы переводовъ отразилось бы весьма невыгодно на дальнѣйшемъ развитіи русскаго просвѣщенія. Перепечатка подлинныхъ иностранныхъ сочиненій должна быть сокращена закономъ каждаго изъ государствъ (подобно тому, какъ это сдѣлано во Франціи декретомъ 28 марта 1852 года), послѣ чего заключеніе конвенцій сдѣлается ненужнымъ.

Собраніе наградило докладчика аплодисментами, пренія же, за позднимъ временемъ, были отложены до слѣдующаго засѣданія.

Библиографія.

Влад. Гордонъ. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивамъ и разъясненіями по рѣшеніямъ. Сената и циркул. м. ю. Систематическій сборникъ 1899 г.

При появленіи въ свѣтъ новаго „систематическаго сборника“ кассационныхъ рѣшеній или тезисовъ изъ нихъ, съ перепечаткой текста законовъ или безъ таковой, прежде всего, возникаетъ вопросъ: чего ради этотъ сборникъ изданъ? И безъ него, кажется, имѣется уже достаточное количество ему подобныхъ! Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ удовлетворить вопрошающаго лишь въ томъ случаѣ, если новый сборникъ даетъ что-либо новое, вноситъ что-либо свое въ семью себѣ подобныхъ, и притомъ, новое не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи. Сборникъ г. Гордона, несомнѣнно, является новымъ, но не столько по идеѣ, сколько по выполненію. Этимъ, быть можетъ, объясняется сдержанность составителя, указывающаго въ предисловіи лишь на составъ своего сборника и на то, что весь матеріалъ, въ видѣ краткихъ положеній, большею частью въ формулировкѣ подлинника, размѣщенъ подъ статьями систематически, такъ что ученія Сената по каждому вопросу представлены, какъ единое цѣлое. Изъ этихъ указаній не видно, чѣмъ сборникъ г. Гордона, отличается отъ наиболее близкихъ къ нему изданій г.г. Боровиковскаго или Рощковскаго. Въ немъ, какъ и въ этихъ изданіяхъ, „положенія“ размѣщены систематически, и въ немъ, какъ въ сборникѣ г. Рощковскаго, приведены извлечения изъ мотивовъ. Но знакомясь съ содержаніемъ сборника г. Гордона, сразу видно громадное отличіе его отъ этихъ изданій. Текстъ устава исправленъ не только по „продолженіямъ“, но и по узаконеніямъ, еще не вошедшимъ въ продолженія; мотивы извлечены не только изъ извѣстнаго изданія государственной канцеляріи, но и изъ другихъ изданій; помѣщены извлечения не только изъ официальныхъ сборниковъ рѣшеній, но и (по вопросу объ усмысленіи и узаконеніи) изъ журналовъ распорядительныхъ засѣданій и т. п. Самое характерное отличіе сборника г. Гордона отъ упомянутыхъ изданій—систематизація извлеченій. Составитель обнаружилъ большой систематизаторскій талантъ, сумѣвъ массу разнообразныхъ положеній свести къ отдѣльнымъ, рѣзко очерченнымъ группамъ и расположить эти группы въ строго логическомъ порядкѣ. Благодаря этой систематичности, не только облегчается пользование сборникомъ для справокъ, но и дается возможность легко и быстро изучить положеніе даннаго вопроса

въ кассационной практикѣ. Съ этой стороны образцовы разъясненія подъ ст. 4, 9, 29, 409, 571 и др., особенно подъ ст. 409: безконечная казуистика сведена къ системѣ, въ которой весьма легко ориентироваться. Этимъ сборникъ г. Гордона выгодно отличается отъ своихъ предшественниковъ, въ которыхъ систематика—самая слабая сторона. Щедрою и умелою рукою сдѣланныя выписки изъ мотивовъ значительно содѣйствуютъ уясненію положеній, вырабатанныхъ практикою. Ко всему этому нельзя прибавить умѣлое распоряженіе разнообразнымъ шрифтомъ, придающее разъясненіямъ полную наглядность. Труда и времени г. Гордонъ, очевидно, не щадилъ и выполнилъ свою задачу прекрасно. Будущее покажетъ, что книга его станетъ настольною и для теоретиковъ, и для практиковъ и выдержитъ не одно изданіе. Это послѣднее обстоятельство, главнымъ образомъ, заставляетъ насъ указать на нѣкоторые недостатки сборника, устраненіе коихъ въ послѣдующихъ изданіяхъ было бы весьма желательнымъ. Сначала скажемъ объ извлеченіяхъ изъ сенатскихъ рѣшеній, затѣмъ—о мотивахъ и наконецъ—о текстѣ устава.

Прежде всего, нельзя не высказаться противъ пріема, примѣннаго г. Гордономъ къ противорѣчивымъ положеніямъ кассационной практики. Онъ, послѣдовавъ примѣру г. Рощковскаго, воспроизводитъ лишь позднѣйшее положеніе, а относительно раннѣ высказаннаго ограничивается одною ссылкой на годъ и № рѣшенія съ представкою «иначе». Пріемъ г. Боровиковскаго кажется намъ болѣе рациональнымъ: онъ воспроизводитъ оба положенія, предпосылая одному «сначала», другому—«впослѣдствіи». Въ пріемѣ г. г. Гордона и Рощковскаго скрывается несчастная мысль объ общеобязательной силѣ кассационныхъ рѣшеній, о силѣ ихъ, равной силѣ закона, и слѣдовательно, о возможности примѣненія къ нимъ ст. 72 зак. осн.—мысль, столь неблагоприятно дѣйствующая на самостоятельность судовъ. Подобная выборка еще болѣе сковываетъ практику и содѣйствуетъ искорененію взгляда, прямо противнаго закону (ст. 813, 815 у. г. с.; 68, 69 осн. зак.) Затѣмъ, нельзя одобрить увлеченія другимъ пріемомъ: изложенія тезисовъ въ возможно краткой формѣ. Краткость изложенія—вещь прекрасная, но она не должна идти въ ущербъ полнотѣ и ясности. Есть, къ сожалѣнію, въ сборникѣ г. Гордона положенія, которыя, благодаря своей краткости, неточно и невѣрно передаютъ смыслъ рѣшенія. Напр., какъ понять положеніе въ § 2 подъ ст. 332: „истецъ не вправе заявлять требованіе о %-хъ, о коихъ въ исковомъ прошеніи не упомянуто, если онъ первоначально требовалъ не всѣ проценты, а лишь за извѣстный періодъ?“ А если истецъ первоначально никакихъ %-въ не требовалъ, вправе онъ ихъ потребовать потомъ? Выходитъ, что въправъ, ибо невозможность требовать % о коихъ не упомянуто въ прошеніи, обусловлено первоначальнымъ требованіемъ ихъ за извѣстный періодъ. Несообразность очевидная. Изъ рѣшенія можно было бы извлечь ясное и вѣрное положеніе, даже «въ формулировкѣ подлинника»: истецъ не вправе заявлять требованія о наросшихъ до предъявленія иска %-хъ, о коихъ онъ или вовсе не просилъ или просилъ лишь за извѣстный періодъ. Далѣе, пріемъ комбинированія отдѣльныхъ положеній по ихъ логической связи—пріемъ неизбѣжный при систематизаціи этихъ положеній, но обращаться съ нимъ надо осторожно. Г. Гордонъ, надо отдать ему справедливость, достаточно остороженъ; хотя онъ и «представляетъ ученія сената какъ единое цѣлое», но—не слѣдуя примѣру г. Боровиковскаго, не стремится во что-бы то ни стало придать сенатской практикѣ видъ законченныхъ, чистенькихъ доктринъ. Тѣмъ не менѣе и въ его сборникѣ имѣются промахи съ этой стороны, напр. подъ ст. 449 въ § 1 читаемъ, что «ст. 449 составляетъ исключеніе изъ общаго правила, изложеннаго

въ ст. 442". Это очень гладко съ вѣшной стороны; но съ внутренней, безъ объясненія, какое тутъ значеніе Сенатъ придаетъ ст. 445, это логически нелѣпное положеніе. Какъ можетъ быть исключеніемъ изъ правила, касающагося сторонъ, правило говорящее о лицахъ, въ дѣлѣ не участвующихъ? Мысль Сената та, что по общему правилу, выраженному въ ст. 442, сторона обязана, по требованію противника, представить актъ, у ней находящійся; но по ст. 445 торговыя книги должны быть представлены лишь въ случаяхъ, въ законѣ указанныхъ, и слѣдов. ст. 449, обязывающая представлять торговыя книги, относится къ этимъ именно случаямъ, въ законѣ указаннымъ, и въ этомъ смыслѣ является исключеніемъ изъ общаго правила 442 ст. Это надо было выяснитъ именно въ виду совершенной неправомерности и искусственности построения Сената; достаточно сказать, что ст. 442 говорить о представленіи актовъ сторонами, а ст. 445 и 449 о представленіи ихъ неучаствующими въ дѣлѣ лицами. Или еще примѣръ: въ § 3 подъ ст. 515 разграничены два случая, между которыми никакого юридическаго различія нѣтъ: *отказъ въ ходатайствѣ объ экспертизѣ и оставленіе ходатайства объ этомъ безъ разсмотрѣнія*; тоже самое объ осмотрѣ въ § 4 подъ ст. 507 и др. Выше мы сказали, что есть въ сборникѣ г. Гордона отдѣлы прекрасна систематизированныя, но есть, къ сожалѣнію, и такіе, гдѣ увлеченіе систематикой привело къ ошибкамъ: группировка разъясненій подъ ст. 338 неудачна во всѣхъ частяхъ; статья говорить объ обязательности для суда основываться на документахъ и доводахъ, представленныхъ сторонами, а тезисы разбиты на три группы и озаглавлены: начало равноправности сторонъ, составительное начало въ гражданскомъ процессѣ и протоколы судебныхъ засѣданій; третья группа никакого отношенія къ статьѣ не имѣетъ; вторая, по заглавію обобщающая изложеніе всего, что относится къ составительному началу, касается лишь одной стороны послѣдняго, а въ первой группѣ заглавіе совершенно не соответствуетъ содержанию. Наконецъ, нельзя не указать на ошибку и опіску, вкравшіяся въ § 4 п. 6 подъ ст. 575: „подъ первымъ засѣданіемъ нельзя разумѣть объясненія съ предсѣдателемъ по 360 ст. при сокращенномъ судопроизводствѣ“. По содержанію это положеніе относится къ отмѣненной 354 статьѣ (теперь никакихъ объясненій съ предсѣдателемъ нѣтъ), а ссылка на ст. 350 неправильна (въ подлинномъ рѣшеніи правильно: 354 ст.).

Перехожу къ выпискамъ изъ мотивовъ. Тутъ, съ од-

ной стороны, замѣчается нѣкоторое излишество, а съ другой—недочеты. Такъ какъ извлеченія эти должны способствовать раскрытію смысла статей устава, то, конечно, лишены всякаго значенія разсужденія, не имѣющія къ статьямъ прямого отношенія; такихъ попутныхъ разсужденій въ весьма небрежно составленномъ изданіи госуд. канц. очень много. Г. Гордонъ почему-то и ихъ воспроизводитъ. Сюда, напр., относятся разсужденія о несовершеннолѣтнихъ, состоящихъ подъ попечительствомъ, тогда какъ ст. 19 о нихъ не говоритъ; объ отсутствіи доказательной силы телеграммъ, тогда какъ по ст. 438 имъ можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, придана сила; о трехъ категоріяхъ неправо способныхъ свидѣтелей, въ статью 371 не попавшихъ. Излишне было также помѣщать мотивы послѣдствій измѣненныхъ статей, напр. ст. 151, 571 п. 5. Что касается недочетовъ, то ихъ мы находимъ по отношенію къ мотивамъ позднѣйшихъ законовъ, напр. устава желѣзныхъ дорогъ, положенія о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы, объ упрощенномъ судопроизводствѣ.

Наконецъ, о текстѣ устава надо сказать, что и тутъ имѣются нѣкоторые недосмотры: ст. 47 и 258 изложены въ старой редакціи; п. 5 ст. 571 не дополненъ указаніемъ на то, что въ списокъ государствъ, гдѣ нѣтъ *cautio judicatum solvi* относительно истцовъ русскихъ подданныхъ, внесены: Франція, Италия и Германія.

Въ заключеніе пара замѣчаній не существенныхъ: составитель совершенно ни къ чему въ трехъ, четырехъ мѣстахъ сдѣлалъ литературныя ссылки, чисто случайнаго характера—онѣ совсѣмъ излишни; затѣмъ, замѣчается непріятное для глазъ разнообразіе: въ однихъ новыхъ статьяхъ ссылки на собр. узак. почему-то помѣщены въ текстѣ статьи, послѣ номера, въ другихъ—въ выноскѣ; наконецъ, имѣется досадная опечатка на стр. 276: заголовокъ X главы II книги напечатанъ „о порядкѣ доказательствъ“ вмѣсто „о повѣркѣ доказательствъ“.

Указанные недостатки и недосмотры отнюдь не умаляютъ крупныхъ достоинствъ сборника г. Гордона. Они легко могутъ быть устранены въ послѣдующихъ изданіяхъ его; но и при наличности ихъ сборникъ остается весьма цѣнною въ общемъ и прекрасно составленною книгою, которую смѣло можно рекомендовать какъ готовымъ теоретикамъ и практикамъ, такъ и лицамъ, впервые желающимъ ознакомиться съ практическою стороною нашего гражданского процесса.

Проф. А. Гольмстенъ.

Судебная и судебно-административная практика.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената.

Указъ 18 ноября 1893 г., № 11837.

Разночинцы.—Приписка къ податнымъ состояніямъ—Дѣти чиновниковъ XIV—X кл.—Право государственной службы.

Правительствующій Сенатъ, рассмотрѣвъ возникшій по одной губерніи вопросъ о причисленіи въ податное состояніе дѣтей чиновниковъ—коллежскихъ регистраторовъ, губернскихъ и коллежскихъ секретарей, разъяснилъ, что:

дѣти чиновниковъ до IX класса, отцы коихъ по происхожденію не пользуются правами высшаго состоянія, не обязаны зачисляться въ одно изъ бывшихъ податныхъ состояній, между прочимъ, потому что въ приложеніи къ ст. 482 уст. о прам. нал., т.

V, изд. 1893 г., въ коей перечисляются категоріи лицъ, обязанныхъ избирать родъ жизни, не упоминается о дѣтяхъ названныхъ чиновниковъ. Такое умолчаніе закона, повидимому, объясняется исключительно тѣмъ, что лицамъ этой категоріи предоставлено право поступать на государственную службу, каковаго права они должны были бы лишиться съ зачисленіемъ въ мѣщанское сословіе. Въ подтвержденіе высказаннаго взгляда слѣдуетъ указать еще и на то, что право поступленія на государственную службу принадлежитъ дѣтямъ не всѣхъ личныхъ почетныхъ гражданъ, а только дѣтямъ чиновниковъ—какъ это подтверждается тѣми цитатами, которыя приведены подъ пунктъ 2 ст. 3 т. III уст. о служб. гражд., изд. 1876 года.

По симъ соображеніямъ, Правительствующій Се-

нать признавать, что дѣйствие ст. 537 т. IX зак. сост. изд. 1876 года не распространяется на дѣтей чиновниковъ XIV—X классовъ, хотя бы послѣдніе и не пользовались высшими правами состоянія по своему происхожденію; названныя лица, какъ необязанные припискою въ мѣщанское сословіе, должны быть отнесены къ категоріи разночинцевъ и, по достижении восемнадцатилѣтняго возраста, получающаго виды на жительство, на основаніи ст. 10 и п. 3 ст. 34 полож. о вид. на жительство, отъ полицейскихъ установлений.

Противоположеніе состояній податныхъ и неподатныхъ, лежавшее въ основѣ нашего дореформеннаго строя, въ настоящае время, съ отмѣною рекрутскихъ наборовъ и подушной подати, утратило дѣйствительный жизненный смыслъ, и если это противоположеніе сохранило практическое юридическое значеніе, то только въ силу того, что платежемъ подушной подати и рекрутскою повинностью особенности податныхъ состояній не исчерпывались. Хотя большинство этихъ особенностей было обусловлено именно тѣми повинностями, которыми подлежали лица податныхъ состояній (напр. безвѣстное отсутствіе ихъ считается побѣгомъ, не вызываетъ тѣхъ послѣдствій, съ которыми оно сопряжено для лицъ другихъ состояній и влечетъ за собою лишь уголовное наказаніе, св. зак. т. IX, ст. 8, прим. 2), и хотя съ отмѣною указанныхъ повинностей эти особенности представляются полнѣйшими анахронизмами, но анахронизмы эти въ большинствѣ случаевъ могутъ быть устранимы только законодательнымъ путемъ.

Однако съ нѣкоторыми пережитками дореформенной податной системы возможна борьба и болѣе легкимъ оружіемъ. Къ числу пережитковъ этого рода принадлежитъ основное начало нашего дореформеннаго права, что каждый, кто на основаніи прямого постановленія закона не освобожденъ отъ подушной подати, долженъ былъ быть внесенъ въ окладъ, т. е. избрать родъ жизни податнаго состоянія, иначе же съ нимъ надлежало поступить по всей строгости законовъ, какъ съ бродягою.

По счастью, это основное положеніе, постоянно подразумеваемое, высказывается лишь примѣнительно къ отдѣльнымъ категоріямъ лицъ (напр., относительно дѣтей канцелярскихъ служителей — ст. 37 прил. къ ст. 482 т. V, уст. прим. кал.), но въ видѣ общаго положенія нигдѣ въ нашемъ законодательствѣ прямо выражено не было.

Между тѣмъ, требованіе это, предполагаемое и дѣйствующими законами о припискѣ къ податнымъ состояніямъ, потеряло всякое разумное основаніе и является лишь источникомъ весьма серьезныхъ стѣсненій для лицъ, обязанныхъ припискою, и почти всегда весьма невыгодно отражается на объемѣ ихъ правъ состоянія. Въмѣстѣ съ тѣмъ эти приписныя лица, почти всегда оставаясь совершенно чуждыми тѣмъ мѣщанскимъ обществамъ, къ которымъ они формально причисляются, вносятъ въ эти общества начало дезорганизации, нарушаютъ истинную ихъ корпоративность, а иногда (въ случаѣ болѣзней, преступленія и другихъ поводовъ къ высылкѣ на мѣста приписки) ложатся на эти общества довольно тяжелымъ бременемъ.

Поэтому, распространительное толкованіе законовъ объ обязанности приписки должно отражаться самымъ неблагоприятнымъ образомъ на судьбѣ какъ тѣлой массы частныхъ лицъ, такъ и многихъ мѣщанскихъ обществъ, для которыхъ этотъ приписной элементъ является истиннымъ бѣдствіемъ. При этомъ нельзя не указать, что такое толкованіе ни въ чемъ не вызывалось ни общегосударственными ни даже узкофискальными интересами.

Съ этой точки зрѣнія приведенный указъ заслу-

живаешь серьезнаго вниманія: рѣшительно ни въ чемъ не нарушая точнаго смысла дѣйствующихъ постановленій законовъ о причисленіи въ окладъ, этотъ указъ весьма рѣзко нарушаетъ все еще почему то у насъ держащейся духъ стараго устава о податяхъ, изданія 1857 г.

Благодаря этому, известная группа лицъ, ни къ какому неподатному состоянію не принадлежащихъ и не избравшихъ себѣ рода жизни податнаго состоянія, — т. е. лицъ, которые прежде, на основаніи тѣхъ же законоположеній были бы отнесены къ числу бродягъ, — теперь оказывается въ положеніи вполне легальномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать на то, что Сенатъ, основавъ свою аргументацію на толкованіи п. 3 ст. 34. пол. вид. жит. и признавъ обязанностью полиціи выдавать виды на жительство дѣтямъ чиновниковъ, имѣвшихъ права личнаго почетнаго гражданства, какъ *разночинцамъ*, тѣмъ самымъ придалъ этому термину весьма широкой смыслъ: для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, Сенату придется признать и другія категоріи лицъ, не принадлежащихъ къ податнымъ состояніямъ, имѣющими право на полученіе безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ.

До сихъ поръ понятіе „разночинецъ“ точно нигдѣ въ законѣ опредѣлено не было. Законъ собственно указываетъ лишь одинъ, и тотъ отрицательный признакъ: разночинецъ не принадлежитъ ни къ какому обществу (4 Уст. пр. пр. пр. изд. 1890 г. ст. 165). Но общій характеръ этого званія довольно ясенъ: не относясь къ податнымъ состояніямъ, разночинецъ всегда къ нимъ, такъ сказать, тяготеетъ. „Разночинцы, какъ-то нижеприведенные, статские нижніе чины и прочіе, кои не считаются дѣйствительными гражданами“ (ст. 561 т. IX). Сиротскіе суды вѣдаютъ разночинцевъ на ряду съ мѣщанами, цѣховыми и ремесленниками (ст. 1181, 1182 т. II ч. I). Ст. 335 уст. торг. (изд. 1857) приравнивала вдовъ разночинцевъ по торговымъ правамъ къ мѣщанамъ. Въ прил. къ ст. 30 ул. о нак., перечисляющемъ лицъ, изымаемыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, мы разночинцевъ не найдемъ. И если въ законѣ нельзя было найти какого-либо спеціальнаго указанія на освобожденіе данной категоріи разночинцевъ отъ приписки къ податному состоянію, они до сихъ поръ записывались въ мѣщане.

На совершенно иную точку зрѣнія становится пол. вид. жит. 1894 г. Оно относитъ въ одну группу: дворянъ, чиновниковъ, духовенство, почетныхъ гражданъ, купцовъ и *разночинцевъ*, предоставляя имъ право на полученіе безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ (ст. 33). Этой группѣ противопоставляется другая: мѣщане, ремесленники и сельскіе обыватели, имѣющие право на полученіе лишь срочныхъ паспортовъ (ст. 41).

Такимъ образомъ опредѣленно по своему составу, исчерпывающимъ образомъ перечисленно, по пол. вид. жит. является, такъ сказать, нижняя группа — податная. Все же остальное населеніе, въ томъ числѣ и неопредѣлимый разночинецъ, отнесены къ паспортно-полноправнымъ гражданамъ. Разночинцы оказались рѣзко отдѣленными отъ податныхъ состояній, и поэтому высказанное Сенатомъ положеніе, что тѣ категоріи разночинцевъ, которымъ законъ прямо не предписываетъ избрать родъ жизни, не обязаны припискою къ податнымъ состояніямъ, является по нашему мнѣнію безусловно согласнымъ съ буквою и съ общимъ духомъ дѣйствующаго нашего законодательства.

1 Департаментъ Правительствующаго Сената.

Печатаніе городскихъ смѣтъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ (ук. 3 декабря 1898 г.).

Россійскій городской староста обжаловалъ въ Правительствующій Сенатъ предложеніе ковенскаго

губернатора объ уплатѣ въ доходъ губернской типографіи 85 руб. 50 коп. за публикацію въ „Ковенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ смѣты доходовъ и расходовъ гор. Россіенъ на 1898 г.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, согласно ст. 15 прил. къ ст. 140 гор. пол. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), обращенныя къ исполненію городскія смѣты и раскладки печатаются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ или, съ разрѣшенія губернатора, издаются особо. Въ первомъ случаѣ, означенная публикація составляетъ, въ силу ст. 540 общ. губ. учр. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), одинъ изъ предметовъ официальной части губернскихъ вѣдомостей, во второмъ—отдѣльное отъ официальной части къ симъ вѣдомостямъ приложеніе, хотя и напечатанное въ силу требованія закона. Что касается до перваго случая, то Правительствующимъ Сенатомъ было разъяснено (рѣш. 10 іюня 1870 г., № 4405), что таковое опубликованіе городскихъ смѣтъ и раскладокъ должно быть производимо бесплатно; по отношенію же порядка изданія упомянутыхъ раскладокъ и смѣтъ особо изъ смысла приведенной ст. 15 прил. къ ст. 140 гор. пол. вытекаетъ, что если само городское общественное управленіе ходатайствуетъ объ особомъ напечатаніи своихъ смѣтъ и раскладокъ, или если оно изъявило свое согласіе на таковое напечатаніе, то и расходы по сей публикаціи должны падать на оное; если же особое печатаніе городской смѣты, которая всегда можетъ быть напечатана въ официальной части губернскихъ вѣдомостей бесплатно, происходитъ помимо желанія или согласія общественнаго управленія, то и расходы до напечатанію смѣты не могутъ быть отнесены на его счетъ. По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что изъ дѣла не усматривается, имѣлось-ли въ виду ковенскимъ губернаторомъ при возложеніи на гор. Россіены обязанности уплатить въ доходъ губернской типографіи 85 руб. 50 коп. за публикацію приходорасходной смѣты желаніе или согласіе Россіенскаго городского общественнаго управленія относительно печатанія городской смѣты на 1898 годъ особымъ приложеніемъ, а не въ официальной части губернскихъ вѣдомостей,—Правительствующій Сенатъ *опредѣляетъ*: сіе распоряженіе губернатора отмѣнить, предписавъ ему войти въ новое разсмотрѣніе настоящаго дѣла.

Согласно ст. 538 общ. учр. губ. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), въ составъ губернскихъ вѣдомостей различаются 2 части—официальная и неофициальная. Кроме того, къ вѣдомостямъ прилагаютъ еще *прибавленія*, содержаніе которыхъ исчерпывающимъ образомъ опредѣлено ст. 542 общ. учр. губ. На основаніи этой статьи, прибавленія къ губернскимъ вѣдомостямъ содержатъ: во-первыхъ, публикаціи о сыскахъ; во-вторыхъ, объявленія о вызовѣ къ торгамъ по подрядамъ и другимъ обязательствамъ съ казною; въ-третьихъ, медицинскія наставленія о мѣрахъ при появленіи эпидемическихъ болѣзней на людяхъ и скотскихъ падежѣ. Никакихъ *приложеній* къ губернскимъ вѣдомостямъ, *отдѣльных* отъ официальной части, о которыхъ говоритъ Сенатъ, законъ не знаетъ. Не трудно доказать, что такихъ приложеній и не можетъ быть. Согласно ст. 543 общ. учр. губ., статьи официальной части губ. вѣдомостей и прибавленій къ нимъ имѣютъ обязательный характеръ;

никакое изъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ губерніи не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ того, что объявлено официально чрезъ губ. вѣдомости. Само собою разумѣется, что всѣ тѣ статьи, которыя, согласно ст. 540 общ. учр. губ., должны печататься въ официальной части,—въ томъ числѣ и обращенныя къ исполненію городскія смѣты и раскладки—никомъ образомъ не могутъ быть напечатаны въ какихъ бы то ни было *приложеніяхъ, отдѣльных* отъ официальной части, ибо въ такомъ случаѣ онѣ утратили бы требуемый закономъ обязательный характеръ. Гдѣ бы ни была напечатана въ губернскихъ вѣдомостяхъ городская смѣта—въ текстѣ-ли официальной части, или по усмотрѣнію редакціи, или по просьбѣ городского управленія на отдѣльномъ листѣ—во всякомъ случаѣ, согласно ст. 540 общ. учр. губ., она принадлежитъ къ официальной части губернскихъ вѣдомостей.

Изъ ст. 557 общ. учр. губ. явствуетъ, что особая плата взимается съ разрѣшенія губернатора только за помѣщеніе частныхъ извѣстій и объявленій всякаго рода въ *неофициальной* части губернскихъ вѣдомостей. Печатаніе статей, составляющихъ одинъ изъ предметовъ официальной части, а значитъ и опубликованіе городскихъ смѣтъ, *всегда* и *необходимо* производится бесплатно (указъ Прав. Сената 10 іюня 1870 г. № 4405).

Что касается ст. 15 прил. къ ст. 140 гор. пол., то она, казалось бы, толкуется Сенатомъ не вполне правильно. Согласно этой статьѣ, обращенныя къ исполненію смѣты и раскладки печатаются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, или, съ разрѣшенія губернатора, издаются особо. Подъ „изданіемъ особо“ слѣдуетъ понимать самостоятельное изданіе смѣты, независимое отъ губернскихъ вѣдомостей, а отнюдь не напечатаніе въ приложеніи къ вѣдомостямъ, отдѣльномъ отъ официальной части. Такое „особое“ изданіе всегда происходитъ съ разрѣшенія губернатора и, слѣдовательно, *всегда* предполагаетъ ходатайство общественнаго управленія; на послѣднее и падаютъ, естественнымъ образомъ, всѣ расходы по такой публикаціи.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній, казалось бы, припечатаніе смѣты гор. Россіены въ „Ковенскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ должно было считаться бесплатнымъ даже въ томъ случаѣ, если оно имѣло мѣсто, съ согласія или по просьбѣ Россіенскаго общественнаго управленія, въ отдѣльномъ «приложеніи», т. е. на отдѣльномъ листѣ.

Новочеркасскій окружный судъ.

(Искъ о вострещеніи перевозки трупа).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1897 г. въ ст. Цымлянской, Донской обл., умеръ А. К. По желанію всѣхъ членовъ семьи тѣло умершаго, съ разрѣшенія войскового наказнаго атамана войска Донскаго, было перевезено для погребенія въ родовое имѣніе К. гдѣ и погребено на фамильномъ кладбищѣ, при самой усадьбѣ, въ саду; въ маѣ мѣсяцѣ 1898 г. министръ вн. д. разрѣшилъ вдовѣ умершаго К. перевезти тѣло ея мужа въ гор. Новочеркасскъ для погребенія на мѣстномъ кладбищѣ. Мать и братья покойнаго просили г. министра отмѣнить данное имъ разрѣшеніе, на что послѣдовалъ отказъ. Затѣмъ, они предъявили ко вдовѣ искъ въ окружномъ судѣ, прося признать домогательство ея относительно перевозки тѣла умершаго мужа ея А. К. для погребенія въ г. Новочеркасскѣ, какъ нарушающее семейственныя и имущественныя права ихъ, непра-

вильнымъ, перевозку эту, въ виду несогласія истцовъ, отвѣтчицъ воспретить, возложивъ на нее уплату судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и разрѣшая возбужденный повѣреннымъ отвѣтчицы вопросъ о неподсудности сего дѣла, по роду его, судебнымъ учрежденіямъ, окружный судъ находитъ, что, на основаніи 1 ст. уст. гр. суд., разрѣшенію судебныхъ установлений подлежить всякій споръ о правѣ гражданскомъ, а, по разъясненіямъ гражд. касс. деп. Правит. Сен., къ области гражданского права относятся не только права вещныя, но и права на дѣйствія другого лица, а также личныя права, сопряженныя съ рожденіемъ или существованіемъ законнаго брака (236—79 года, 101—76 года и др.); по теоріи же гражданского права вещь или предметъ, могущіе быть основаніемъ спора, должны существовать, быть, такъ сказать, въ оборотѣ и имѣть относительную цѣнность; этого послѣдняго признака предметъ иска въ данномъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о правѣ на погребеніе трупа человѣка, т. е. о правѣ на предметъ, вышедшій изъ гражданского оборота, не представляющій цѣнности, а слѣдовательно, и не могущій быть предметомъ вещнаго права, почему и споръ о такомъ предметѣ, не затрагивающемъ ничьихъ имущественныхъ правъ, не можетъ быть предметомъ гражданского процесса; что, затѣмъ, разсматривая искъ, какъ споръ о правѣ на дѣйствія другого лица и принявъ во вниманіе: а) что повѣренный истцовъ проситъ судъ признать домогательство отвѣтчицы о перевозкѣ тѣла умершаго ея мужа изъ имѣнія, гдѣ оно погребено, въ гор. Новочеркасска для погребенія на городскомъ кладбищѣ, неправильнымъ, нарушающимъ права истцовъ, и означенную перевозку тѣла ей воспретить, и б) что на означенную перевозку тѣла для сказанной цѣли отвѣтчица получила разрѣшеніе министра вн. д., слѣдуетъ заключить, что и съ этой стороны настоящей искъ не подлежитъ вѣдѣнію суда, такъ какъ дѣйствія отвѣтчицы, объ ограниченіяхъ коихъ ходатайствуютъ истцы, основаны на разрѣшеніи административной власти, дѣйствующей въ данномъ случаѣ въ предѣлахъ, предоставленныхъ ей закономъ, и на основаніи права публичнаго, почему такія дѣйствія, согласно примѣчанія къ 1 ст. уст. гр. суд., какъ безспорныя, не подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ установлений, а ограничивая дѣйствія отвѣтчицы въ предѣлахъ исковыхъ требованій, неминуемо слѣдуетъ коснуться разрѣшенія, даннаго мин. вн. д. отвѣтчицѣ относительно перевозки тѣла умершаго Калмыкова; что по сказаннымъ соображеніямъ слѣдуетъ признать предъявленный повѣреннымъ отвѣтчицы отводъ о неподсудности настоящаго иска судебнымъ установленіямъ заслуживающимъ уваженія и прекратить дѣло дальнѣйшимъ производствомъ.

Въ XIII и XIV т. св. з. содержится рядъ постановленій, регламентирующихъ погребеніе умершихъ. Здѣсь указывается срокъ, ранѣ котораго не можетъ быть совершено погребеніе, опредѣляются мѣста для погребенія, глубина зарытія трупа, способъ засыпанія могилы и т. д. Словомъ, въ этихъ правилахъ

не только стѣсняется право распоряженія трупомъ, но предъявляются опредѣленные требованія для совершенія погребенія. Такимъ образомъ, эти правила устанавливаютъ извѣстныя отношенія между государствомъ, какъ властью, съ одной стороны, и лицами, совершающими, наблюдающими и т. д. за погребеніемъ—съ другой, и всѣ такія отношенія, слѣдов., принадлежатъ къ области публичнаго права. Всякія недоразумѣнія и споры, возникающіе на почвѣ этихъ отношеній, составляютъ, очевидно, компетенцію административной и судебно-административной власти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ правилахъ ни словомъ не упоминается, на комъ лежитъ обязанность похоронить умершаго, кто долженъ оплатить издержки погребенія и т. д. Лишь въ ст. 705 т. XIII уст. вр. говорится, что „погребеніе тѣлъ неизвѣстныхъ людей, умирающихъ въ полицейскихъ помѣщеніяхъ или находимыхъ мертвыми внѣ жилищъ, возлагается на полицію, а сумма, необходимая для покрытія издержекъ въ этихъ случаяхъ, отпускается изъ казны». Аналогичныя правила содержатъ 707 ст. относительно арестантовъ, умирающихъ во время слѣдованія по этапамъ. Такимъ образомъ оказывается, что, за исключеніемъ строго опредѣленныхъ случаевъ, а именно такихъ, когда человекъ умираетъ одинокимъ, внѣ семьи и близкихъ ему людей, законъ ни на кого въ особенности не возлагаетъ обязанности и не предоставляетъ права распоряженія трупомъ, оставляя этотъ вопросъ на усмотрѣніе частныхъ лицъ. Подтверженіе этого имѣется еще въ 712 ст., которая разрѣшаетъ погребеніе въ монастыряхъ, внутри городовъ находящихся, въ коихъ погребеніе мертвыхъ издавна продолжается съ вѣдома самого правительства и вошло въ обычай, на которомъ основались *благочестивыя обыкн и заповѣданія лицъ и семействъ*. Итакъ, внѣ тѣхъ ограниченій, которыя установлены вышеозначенными статьями, право распоряженія трупомъ принадлежитъ частнымъ лицамъ, и возникающія при этомъ отношенія между лицами, свободныя отъ всякаго участія государственной власти, какъ таковой, входятъ уже въ область не публичнаго, а частнаго права. Если же изъ этихъ отношеній вытекаетъ какой-либо споръ то, какъ всякій споръ о правѣ гражданскомъ, онъ подлежить разрѣшенію судебныхъ установлений. Ошибка суда заключается въ томъ, что исходной точкой своихъ выводовъ онъ ставитъ объектъ права, между тѣмъ какъ различіе между гражданскимъ и публичнымъ правомъ обуславливается различнымъ характеромъ субъектовъ правоотношенія, и если въ правоотношеніи не участвуетъ въ качествѣ субъекта онаго государство и его органы, какъ представители публичной власти, то правоотношеніе составляетъ область частнаго права.

Засимъ, остается еще разсмотрѣть вопросъ, какимъ законамъ должны быть подчинены правоотношенія, возникающія изъ распоряженія трупомъ? Специальныхъ постановленій по этому вопросу въ нашихъ гр. законахъ не содержится. Едва-ли, однако, отсутствіе специальныхъ правилъ можно разсматривать, какъ случайный недостатокъ закона. Скорѣе здѣсь можно предположить сознательное намѣреніе законодателя не стѣснять строгими рамками закона безконечнаго разнообразія возможныхъ комбинацій дѣйствительности, основанныхъ, прежде всего, на нравственныхъ потребностяхъ и побужденіяхъ, неудобныхъ для закона и не поддающихся никакому систематизированію. Доказательствомъ можетъ, напр., служить французскій специальный законъ (15 ноября 1887 г.) о погребеніи. Онъ указываетъ, что всякое лицо, пользующееся правомъ составленія завѣщаній, можетъ распорядиться своимъ погребеніемъ; устанавливаетъ также особый порядокъ разрѣшенія споровъ, возникающихъ по поводу погребенія, но ни слова не говоритъ о томъ, какими законами руководствуется судья при разрѣшеніи этихъ спо-

ровъ въ случаѣ отсутствія завѣщательнаго распоряженія. Аналогичный случай имѣется и въ нашихъ законахъ: ст. 9 прил. къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. 1 постановляетъ, что частныя письма по смерти лица, писавшаго ихъ, и того, къ кому они были писаны, могутъ быть изданы съ согласія наслѣдниковъ, но не опредѣляетъ, какъ слѣдуетъ разрѣшить случай спора между наслѣдниками.

Право лица распорядиться въ завѣщаніи своимъ погребеніемъ не отрицается и у насъ. По свидетельству Шахмана (Обычн. право, т. II, ст. 330), въ большей части завѣщаній, завѣщатели возлагаютъ на наслѣдниковъ обязанность похоронить по христіанскому обряду и помянуть по смерти. Самая идея завѣщанія, какъ замѣчаетъ Побѣдоносцевъ (т. II, с. 474), возникла въ Россіи изъ нравственныхъ духовныхъ соображеній, изъ заботы умирающаго о душѣ своей. При отсутствіи завѣщанія право это переходитъ къ наслѣдникамъ, такъ какъ они являются продолжателями его личности и имъ принадлежитъ память о ней. Въ случаѣ же спора между ними необходимо руководствоваться общими началами нашего наслѣдственнаго права, построеннаго на родовомъ принципѣ. А такъ какъ, по смыслу нашихъ законовъ, жена не является въ сущности наслѣдницей, а ей выдѣляется указная часть, то очевидно, что разногласіе ея съ братьями покойнаго должно быть разрѣшено въ пользу послѣднихъ.

Что касается подсудности разсматриваемыхъ споровъ, то, какъ известно, компетенція мировыхъ судовъ опредѣляется закономъ въ исчерпывающемъ перечисленіи, а такъ какъ въ немъ не указываются споры, возникающіе по поводу распоряженія имуществомъ, то имъ и слѣдуетъ отнести къ вѣдомству общихъ судебныхъ установлений. Но здѣсь мы встречаемся съ непреодолимымъ затрудненіемъ: порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ совершенно непригоденъ для той быстроты распоряженій, какая можетъ здѣсь потребоваться и какая установлена, напр., въ упомянутомъ французскомъ законѣ.— Этотъ пробѣлъ нашего процесса можетъ быть восполненъ только законодательнымъ путемъ.

Наконецъ, остается еще вопросъ о значеніи состоявшагося уже распоряженія министра вн. дѣлъ. Этотъ вопросъ едва ли можетъ возбуждать какія либо сомнѣнія: дозволеніе министра указываетъ лишь, что публичная власть не встрѣчаетъ препятствія къ вырѣзкѣ и перевозкѣ тѣла, но не предрѣшаетъ вопроса о гражданскомъ правѣ распоряженія трупомъ, точно также какъ, съ другой стороны, рѣшеніе суда по этому вопросу не освобождало бы отъ обязанности испросить дозволеніе административной власти на перевозку.

Воронежскій городской судья.

(Обвиненіе въ клеветѣ).

Въ октябрѣ прошлаго 1897 года былъ арестованъ по подозрѣнію въ политической неблагонадѣжности учитель В-аго техническаго желѣзнодорожнаго училища, Д.; вскорѣ затѣмъ онъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста, который произошелъ, очевидно, по недоразумѣнію, такъ какъ, несмотря на это заключеніе, по прежнему былъ оставленъ въ учебномъ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія. Между тѣмъ, едва вѣсть объ арестѣ Д. дошла до свѣдѣнія директора жел. дор. училища П., какъ послѣдній немедленно собралъ въ стѣнахъ заведенія весь персоналъ преподавателей и учениковъ и произнесъ въ ихъ присутствіи рѣчь, въ которой предавалъ Д. проклятію, называлъ его *мерзавцемъ*, *безбожникомъ*, *клятвопреступникомъ*, распро-

странителемъ вредныхъ книгъ и ученій, основывая это, во-1-хъ, на томъ, что Д. внушалъ ученикамъ опасную мысль о недостаточности книгъ училищной бібліотеки и о необходимости для нихъ пополнить свои знанія чтеніемъ книгъ изъ городскихъ бібліотекъ; во-2-хъ, что онъ, Д., состоя въ училищѣ преподавателемъ математики, задумывалъ еще читать ученикамъ лекціи по электротехникѣ, чему однако онъ, П., воспрепятствовалъ и въ-3-хъ, что, кромѣ всего прочаго, Д. отличался еще отсутствіемъ религіознаго чувства, такъ какъ, бывая на богослуженіи въ церкви онъ, Д., не осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, облокачивался на подоконникъ и смотрѣлъ иногда по сторонамъ и въ окно.

Въ виду изложеннаго Д. предъявилъ къ П. обвиненіе въ клеветѣ.

Извлекаемъ изъ протокола судебного засѣданія: объясненія сторонъ и показанія свидѣтелей дословно.

Обвиняемый П. виновнымъ себя въ оклеветаніи Д. не призналъ и объяснилъ: «въ своей рѣчи 11 декабря 1897 года я Д. опаснымъ и вреднымъ челоукомъ не называлъ, но указалъ въ рѣчи на его видимую антирелигіозность — небрежныя позы при богослуженіи, не осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, уклоненіе отъ исповѣди и св. причастія; указалъ на его отзывы объ ученической бібліотекѣ, якобы, по его мнѣнію, не удовлетворяющей развитію учениковъ въ извѣстномъ направленіи; указалъ на то, что Д. хотѣлъ устроить тайный складъ дешевыхъ книгъ и просилъ меня разрѣшить ему публичныя лекціи по электротехникѣ съ приглашеніемъ на нихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Проклятій по адресу Д. я не произносилъ, а только сказалъ, что за этою дверью священникъ учитъ насъ: да будетъ проклятъ тотъ, который творить дѣла Божіи съ небреженіемъ, а за этою дверью вы видите, что религіозныя обязанности тоже творятся съ небреженіемъ. Въ разговорѣ съ С. я Д. мерзавцемъ не называлъ, — да если бы и сказалъ, то это явилось бы не клеветою, а заочнымъ оскорбленіемъ, которое не наказуемо. С. я только указывалъ на вредъ на него теорій Д. Въ разговорѣ съ С. я только сказалъ: „до появленія Д. все шло у насъ благополучно, но съ прибытіемъ его завелась у насъ такая мерзость“; Д. клятвопреступникомъ я не называлъ, но только сказалъ, что Д., вселяя ученикамъ извѣстныя направленія, тѣмъ самымъ только нарушаетъ свою присягу о воспитаніи юношества, несмотря на мои неоднократныя ему объ этомъ напоминанія. О кажущихся на мой взглядъ противозаконными вышеозначенныхъ поступкахъ Д. я доносилъ начальству еще до ареста Д. — доносилъ словесно и въ секретныхъ отчетахъ. Г. П. добавилъ: объ отобраніи отъ Д. найденныхъ у него нелегальныхъ книгъ и о передачѣ ихъ мнѣ я С. говорить не могъ, такъ какъ никакихъ подобныхъ книгъ мнѣ не передавалось.

Примиренія не послѣдовало.

Повѣренный обвинителя просилъ допросить свидѣтелей подъ присягой, но въ этомъ ему отказано, исходя изъ того положенія, что всѣ эти лица и по образовательному и по служебному своему положенію настолько добропорядочные люди, что будутъ показывать правду и безъ присяги. Допрошенные, съ напоминаніемъ о присягѣ, свидѣтели показали: 1) К. Въ рѣчи своей 11 декабря 1897 года г. П. упоминалъ о Д., какъ о челоукомъ вредномъ для училища; между прочимъ, указывалъ на то, что Д. при богослуженіи стоялъ облокотясь, смотрѣлъ въ окно; другихъ указаній не припомню. 2) С. Въ своей рѣчи 11 декабря 1897 года г. П. отзывался о Д., какъ о челоукомъ вредномъ для училища, указывалъ на его антирелигіозныя поступки — небрежныя позы при богослуженіи, неосѣненіе крестомъ и т. п., указывалъ на то, что г. Д. хотѣлъ устроить другую бібліотеку для учениковъ. 3) В. Въ своей

рѣчи 11 декабря 1897 г. П. говорилъ про Д., что тотъ внушаетъ ученикамъ вольныя и вредныя мысли. 4) С. По дѣламъ городской управы я какъ-то пришелъ въ училище и увидѣлъ тамъ г. П. Какъ бывшему своему ученику, г. П. сталъ передавать мнѣ неестественныя отзывы о Д. и выразился такъ: „Этотъ мерзавецъ только опакостилъ училище“. На мое замѣчаніе, что Д. вѣрно взяли по ошибкѣ, г. П. сказалъ, что ему передали запрещенныя книги, отобранныя отъ Д. Это было какъ-то передъ святками“. Свидѣтели судебного слѣдствія ничѣмъ болѣе не дополнили, за исключеніемъ слѣдующаго: по ходатайству повѣреннаго свидѣтели К. и С. были дополнительно допрошены и показали, что г. П. въ своей рѣчи говорилъ, что Д. внушалъ ученикамъ вредныя мысли; по прочтеніи показанія К. заявилъ, что упоминанія о внушеніи не помнитъ. Повѣренный поддерживалъ обвиненіе противъ П. въ клеветѣ, находя къ тому данныя въ обстоятельствахъ дѣла, и просилъ примѣнить высшую мѣру наказанія. Г. П. къ сказанному имъ ранѣе, а равно и въ послѣднемъ словѣ ничего не добавилъ и виновнымъ себя не призналъ, и просилъ обвиненіе его Д. въ клеветѣ признать недобросовѣстнымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, г. городской судья нашель:

Факта произнесенія неестественныхъ о г. Д. отзывовъ г. П. *не отрицаетъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *признаетъ ихъ правдивыми*. Очевидно, онъ произнесъ ихъ подъ впечатлѣніемъ ареста Д. жандармами. Это-то послѣднее обстоятельство въ глазахъ г. П. и было *достаточнымъ ручательствомъ правдивости* его мнѣнія о г. Д. А при такомъ положеніи — сказанное П. про Д. уже *не можетъ считаться клеветою*. Вмѣстѣ съ тѣмъ и г. Д., въ силу своего ареста, *не имѣлъ законныхъ оснований* обвинять П. въ клеветѣ.

Въ виду изложеннаго и за непримиреніемъ сторонъ, городской судья, на основаніи 200 и 203 ст. суд. прав. и 136 ст. уст. о нак., приговорилъ:

Начальника В-скаго технического желѣзнодорожнаго училища Николая Никитича П. по обвиненію въ клеветаніи учителя того училища Ивана Алексѣевича Д. признать по суду оправданнымъ, а самое обвиненіе — *недобросовѣстнымъ*.

Итакъ, не отвергая установленнаго [свидѣтельскими показаніями факта опозоренія обвиняемымъ нравственнаго достоинства г. Д., какъ *гражданина и педагога*, передъ многочисленнымъ и нарочито для того созваннымъ собраніемъ преподавателей и учениковъ — подростковъ, — тѣхъ самыхъ учениковъ, которые въ силу требованій школьной дисциплины, обязаны въ отношеніи своего наставника особымъ почтеніемъ, г. городской судья нашель, однако, что обращеніе къ нему клеветаннаго за правосудіемъ представляется *недобросовѣстнымъ*. „Очевидно“ — гласитъ приговоръ — „П. произнесъ ихъ (т. е. — клеветническія слова) *подъ впечатлѣніемъ ареста Д. жандармами*“.

Этого „впечатлѣнія“, по мнѣнію г. судьи, вполне достаточно для того, чтобы отдать на потокъ и разграбленіе доброе имя и честь г. Д.

Пользуясь всѣми гражданскими правами, освобожденный надлежащею правительственною властью отъ какаго бы то ни было преслѣдованія и оставленный на службѣ по учебному вѣдомству, Д. по-

ставляется, однако, этимъ приговоромъ какъ бы внѣ охраны закона: „въ силу своего ареста онъ не имѣлъ законныхъ оснований обвинять П. въ клеветѣ!“ — и на этомъ основаніи онъ признанъ недобросовѣстнымъ обвинителемъ. Какое значеніе придаетъ приговоръ этому аресту? Толкуется-ли послѣдній какъ *exceptio veritatis* или въ смыслѣ доказательства *bonae fidei* обвиняемаго?

Ссылка на арестъ Д. жандармами, какъ на *exceptio veritatis*, лишена какихъ бы то ни было юридическихъ оснований. Дознаніе или даже слѣдствіе по обвиненію кого-либо въ преступленіи не представляется еще доказательствомъ его виновности. Органы слѣдственной власти, строго слѣдуя въ своей дѣятельности требованіямъ закона и совѣсти, никогда, тѣмъ не менѣе, не претендуютъ на непогрѣшимость. Правильность привлеченія кого-либо въ качествѣ обвиняемаго зависитъ не столько отъ осторожности слѣдственнаго судьи, сколько отъ доброкачественности собираемаго матеріала, особенно на первыхъ порахъ: пока онъ не собранъ полностью, пока онъ еще не консолидировался настолько, чтобы дать возможность самопровѣрки, — дотолѣ не только возможны, но и неизбежны ошибки. Ошибки эти могутъ, конечно, привести и на скамью подсудимыхъ, но только со вступленіемъ обвинительнаго приговора въ законную силу, — судимое дѣяніе превращается въ осужденное.

До этого момента всякое сужденіе о нравственной личности обвиняемаго должно имѣть въ своей основѣ самостоятельна доказательства, независимо отъ ссылки на то, про что не вѣдаетъ никто, т. е. на существованіе дознанія или предварительнаго слѣдствія. Лучшее подтвержденіе правильности этихъ элементарныхъ началъ представляетъ настоящее дѣло.

Д., какъ указано выше, не только освобожденъ отъ какаго бы то ни было обвиненія, но даже оставленъ на службѣ по учебному вѣдомству. Такимъ образомъ обвиняемый ничѣмъ не доказалъ правдивости своего отзыва, — да онъ и не пытался представить въ этомъ направленіи какія бы то ни было доказательства. Еще менѣе представлялось оснований къ признанію со стороны обвиняемаго добросовѣстнаго заблужденія (*bonae fidei*), такъ какъ онъ не только не доказалъ, но даже не указалъ, что имѣлъ опредѣленныя свѣдѣнія о свойствахъ и предметѣ упадающаго на Д. обвиненія, хотя бы отъ представительной власти, произведшей арестъ.

Мало того, — какъ видно изъ показанія свидѣтеля С., — обвиняемый сообщалъ ему завѣдомо ложно, что у Д. „были отобраны при обыскѣ запрещенныя книги и переданы ему, П.“ Такимъ образомъ несомнѣнно, что обвиняемый не только распространялъ о г. Д. позорящіе отзывы, но въ подкрѣпленіе ихъ приводилъ измышленные факты.

Остается, развѣ, еще вопросъ о томъ, не быль ли обвиняемый *субъективно* (т. е. въ недосыгаемыхъ тайникахъ своей души) убѣжденъ, что онъ не позоритъ своей рѣчью г. Д., а лишь предостерегаетъ своихъ подчиненныхъ и воспитанниковъ отъ вредныхъ идей, иллюстрируя лишь свои взгляды на счетъ репутаціи г. Д. Но въ этомъ отношеніи можно ограничиться прекрасными словами рѣшенія Правит. Сената по дѣлу Лангауза (1886 г., за № 42): „Покуда не доказано, что обвиняемый могъ, находясь въ здоровомъ умѣ, не понимать, что оглашаемые имъ факты порочатъ честь и доброе имя другого человѣка, нельзя утверждать того, что такое дѣяніе обвиняемаго *неамтринно*“.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылаются первые два листа рѣшеній гр. касс. департ. Пр. Сената за 1898 г.